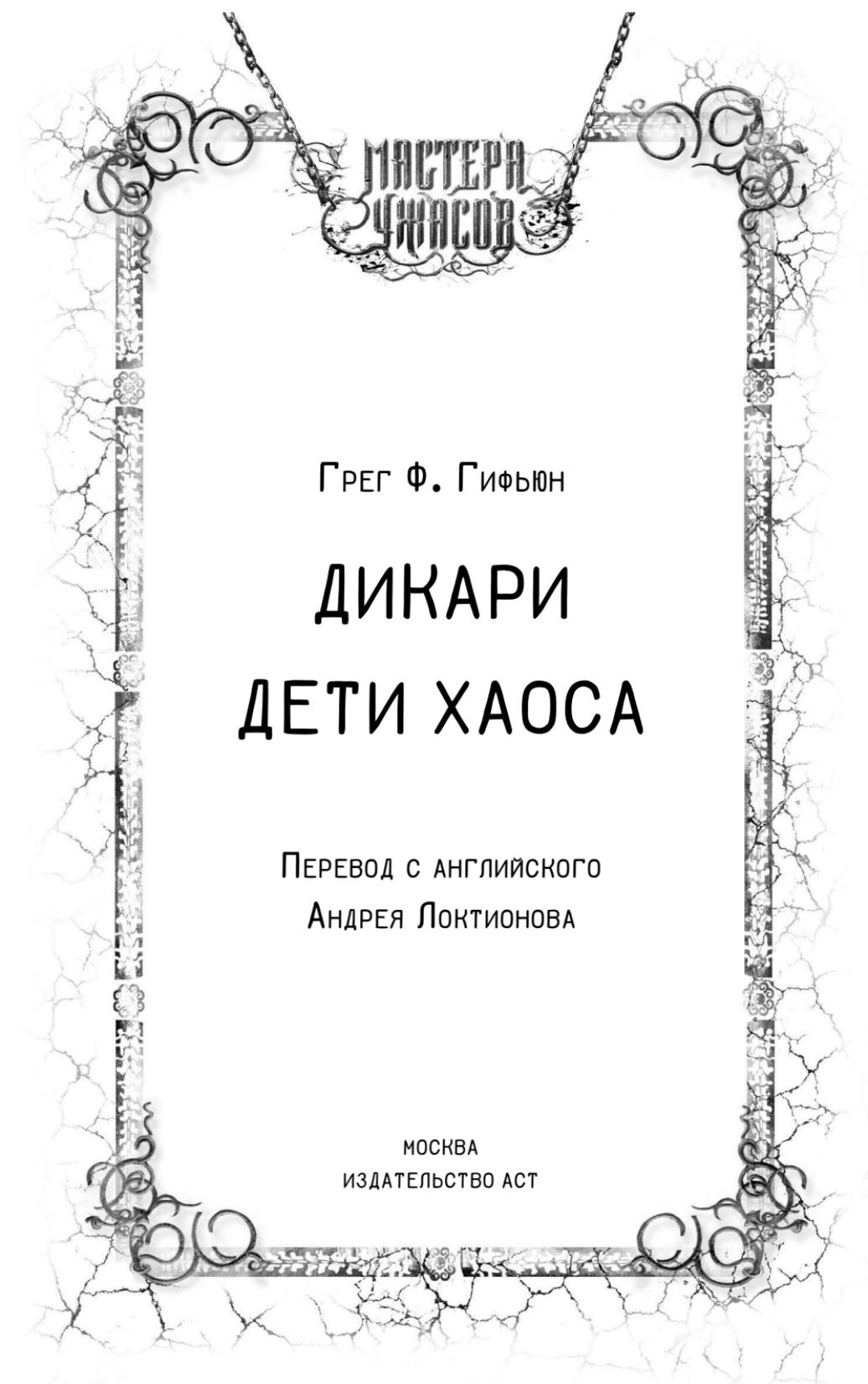

МАСТЕРА
ЧАОС

GREG F. GIFUNE

SAVAGES
CHILDREN
OF CHAOS

МАСТЕРА
ВРЕМЕНИ

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

ДИКАРИ
ДЕТИ ХАОСА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
АНДРЕЯ ЛОКТИОНОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
Г51

Greg F. Gifune
SAVAGES
CHILDREN OF CHAOS

Публикуется с разрешения автора

Перевод с английского: *Андрей Локтионов*

В оформлении использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Savages, ©2016
Children of Chaos, ©2009, renewed 2018
© Андрей Локтионов, перевод, 2022
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

A decorative rectangular frame with ornate scrollwork at the corners and repeating patterns along the sides. The background within the frame is a cracked, marble-like texture. The word "ДИКАРИ" is centered in the middle of the frame.

ДИКАРИ

Искренне благодарю Мэтта Уортингтона
и всех сотрудников «Синистер грин пресс»

Посвящается Дэйву Томасу

Человеку не уничтожить в себе дикаря, просто отрицая внутренние порывы. Единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему...

*«Доктор Джекил и мистер Хайд»
(Фильм, 1920 г.)*

ПОСЛЕ

Языки пламени рассекали тьму. Казалось, будто горит весь мир, и в некотором роде так оно и было. Стремительно распространяясь, огонь охватывал и сжигал всё на своем пути. Деревья и кусты вспыхивали, фонтаны искр выстреливали вверх и осыпались на землю, и было в этом величественном зрелище что-то прекрасное и страшное одновременно. Разрушительная сила, пылающая с неистовой яростью, мчалась сквозь ночь, словно соблазнительница. И, несмотря на морозящий дождь, налетевший со стороны обычно безмятежного моря, огонь продолжал набирать мощь и скорость, поглощая все в своей искрящейся агонии.

Но бушующее пламя было здесь не единственным хищником. Другой, новопровозглашенный, сидел и ждал, зачарованный огненным адом. Обнаженный, он укрылся в скудной тени, покрытый ранами, кровью и сажей, так что были видны лишь белки глаз, широко раскрытых, живых и кипящих голодной, первобытной жестокостью. Когда он наконец сдвинулся с места, то сделал это с потрясающей скрытностью, уверенно стал красться сквозь пылающую ночь: его движения были плавными, проворными и

ДИКАРИ. ПОСЛЕ

смертоносными. От огненного жара лицо у него покраснело, а глаза слезились и болели. Он невозмутимо наблюдал за огнем затуманенным взором. Боль стала теперь частью его, чем-то, что стоит не бояться, а скорее принять, укротить и преодолеть.

Пожар, такой обширный и мощный, что пламя освещало почти весь остров, будет полыхать еще несколько часов. И может, даже здесь, на краю земли, кто-нибудь заметит его и прибудет узнать, что случилось.

А может, и нет.

Возможно, из этой геены нет спасения, нет выхода. И не было никогда. Может, это уже неважно, поскольку все изменилось. *Сам он* изменился. Он боялся, что в нем уже почти нет ничего человеческого, что он стал чем-то другим. Не совсем человеком.

Поднявшись с корточек, фантом с особым удовлетворением посмотрел на следы бойни.

«Проснись,— шепнул ему внутренний голос.— Проснись».

Но пробудиться от этого было невозможно.

Он повернулся и бросился в горящие, раскаленные добела джунгли, словно хищный зверь, в которого превратился.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разум подсказывал ему, что это всего лишь забава и на короткое время он снова стал ребенком, который долго купался, а теперь играет на пляже,

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

лежа на мокром песке у самой кромки воды. Далласу всегда нравились приключенческие истории и фильмы. Он помнил, как представлял себя бесстрашным героем, который сражается на берегу со злодеем или пытается выжить в открытом океане, борясь со стихиями, пиратами или смертоносными акулами. Иногда после кораблекрушения выживал он один. Его выбрасывало на берег необитаемого острова; измотанный, но живой, он какое-то время лежал на отмели, затем полз на сухой песок. Пока эти фантазии и воспоминания впервые за долгое время наводняли его разум яркими деталями, он не мог не осознать иронию происходящего, особенно когда буруны перекачивали его безвольное тело и каждая набегавшая волна переворачивала и выталакивала из воды. Разве мог он тогда, много лет назад, когда был еще маленьким, знать, что придет день — и его любимая игра станет жуткой реальностью?

Мир вокруг него был по-прежнему темным и размытым, поэтому либо зрение и сознание вернулись еще не полностью, либо он лишился чувств и теперь приходит в себя, а ночной океан швыряет его из стороны в сторону. В любом случае, он был абсолютно уверен, что все еще лежит в воде, но до берега недалеко, раз его тело скребет о каменистое дно. И впервые за последнее время Даллас чувствовал боль, которая пронзала грудь и шею у самого плеча. Он ощутил вкус соленой воды и крови и поперхнулся, затем осознал, что ползет уже сам. Скорее барахтается, чем ползет, потом он рухнул на мокрый песок, глубоко впился в него пальцами, вцепился в землю

всеми невесть откуда взявшимися силами. Отталкиваясь и суча ногами, он сумел приподняться и рванулся вперед, приземлившись животом на нечто напоминающее сухой песок.

«Я на берегу, — подумал он. — Я... живой... Я... господи... я... я на берегу!»

Он чувствовал песчинки во рту, ощущал, как они скрипят на зубах и щекочат язык, колют щеки и лезут в глаза. Насколько он мог судить, боль не утихла, но ощущение движения исчезло, грудь больше не сдавливает, дышится легко. И он не тонет. Но не успел Даллас подумать, как некая сила в окружающей темноте вновь потянула его в бездну мрака и отчаяния.

Когда накатила безысходность, Даллас мог лишь надеяться и молиться, что действительно добрался до берега — что казалось невозможным в его ситуации. И что ощущения, которые он испытывает, — не уловки сознания, они не стараются отвлечь, пока океан заглатывает его и тянет в глубины, из которых нет спасения. Может, его чувства есть просто галлюцинации умирающего разума. Если так, то он все еще болтается в бушующем океане и, вероятно, уже умер. Но если все вокруг реально, тогда, возможно, у него есть шанс. Слабый, но тем не менее шанс.

Даллас моргнул. Несмотря на жжение в глазах от песка и соленой воды, теперь он мог видеть, но из-за крайне размытого зрения и крошечной ночной темноты у него сильно закружилась голова. Он уперся руками в песок и почувствовал под ладонями твердь. Он закашлялся, выблевал морскую воду, затем снова впал в забытие или нечто подобное.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

И оказался там, во тьме.

Сны о яростной борьбе вопиют ему из темноты, его тело извивается и бьется в слепой панике, так как всякое чувство ориентации утрачено. Он в воде, у самой поверхности, и погружается в бездонный лабиринт океана. Давлением его тянет вниз, все звуки превращаются в жуткие отголоски и стоны. Несмотря на жжение, он пытается открыть глаза и отчаянно ищет выход. А затем, так же внезапно, всплывает. Его тело выныривает на поверхность, такое же ничтожное и бесполезное, как и мусор в воде рядом с ним. Он пытается звать на помощь, но у него вылетает лишь сдавленный хрип, когда морская вода безжалостно устремляется в рот и заливает горло. Он борется с могучими волнами и бурным океаном, пытается хоть как-то сориентироваться, но он потерялся в ночи, в шторме, в бушующем море. Его крутит как волчок, то он глотает морскую воду, то хватается ртом воздух. Нет ни верха, ни низа, ни спереди, ни сзади — ничего. Лишь громады волн и тьма вокруг, волны проглатывают его, засасывают, затыкают ему рот, а ветер свистит в ушах, и далеко в ночи звучат раскаты грома.

А еще ему снятся молнии. Зазубренные копыя, они не похожи на те, что он видел до этого. Яркие и огромные, как спецэффекты из голливудского блокбастера. Они с треском раскалывают небо огромными вилами, и он благодарен за это, ибо теперь знает, где небо, что вверху, а что внизу. Но легкие не перестают бороться, ему по-прежнему

не хватает воздуха. Океан поглощает, заполняет его. Становится с ним одним целым. Сильный пожирает слабого. «Я умираю, — думает он. — Я умру жестокой смертью, в этом месте, в эту ночь».

Некоторое время спустя вода вернула его в чувство. А может, солнце. Он не был уверен, что именно, и ему было все равно. Он знал лишь, что уже не спит, а значит, жив. И когда Даллас поднял голову с горячего песка и прищурился от неожиданной яркости дневного света, то понял, что прошлая ночь ему не приснилась. Все это произошло на самом деле. Яхта действительно затонула во время шторма. Он вместе с остальными спрыгнул в воду, и все, кроме одного из них, члена экипажа по имени Дэвис, добрались до плота. Из восьми человек на плоту уместилось лишь шестеро, а значит, двоим нужно было постоянно плыть рядом, держась за борт. Кроме того, капитан был ранен и не мог двигаться, остальным же приходилось меняться; в мучительные дни и кажущиеся бесконечными ночи они пытались выжить изо всех сил. Три дня и три ночи они дрейфовали в Тихом океане. Не видели ни полоски земли, ни самолетов, ни спасательных судов. А затем налетел очередной шторм и опрокинул плот. Даллас был уверен, что погибнет, но он выжил, его выбросило на какой-то берег.

Он закричал и попытался шевельнуть пальцами рук, затем кистями, а потом и руками полностью. Мышцы отвердели и болели, но двигать руками он мог довольно свободно. Затем Даллас пошевелил пальцами ног и ступнями, и наконец ногами полно-

стью. Опять же, кроме боли в мышцах, каких-либо серьезных повреждений он не почувствовал. Но когда попытался подняться на четвереньки, будто отжимается, у него снова заболело, как прошлой ночью. Резкая и острая боль пронзила грудь изнутри. Легкие горели, жгучая боль поднялась к плечам и шее. Он ударился обо что-то твердое и мог лишь надеяться, что в груди ничего не сломано и не повреждено. Даллас вдохнул, сперва неглубоко, а потом чуть поглубже. Когда он вдохнул полной грудью, боль стала невыносимой. Несколько лет назад Даллас переболел пневмонией, и, хотя он знал, что это не она, ощущения были похожими. Он закашлялся. В горле и в легких жгло. Стараясь не обращать на это внимания, Даллас пополз по пляжу прочь от воды. Обессилев, перевернулся на спину. Полежал немного, дышал глубоко, не обращая внимания на боль.

Над ним раскинулся купол ярко-голубого безоблачного неба. Даллас повернул голову и сплюнул, но так и не смог избавиться от набившегося в рот песка и грязи. Привкус был такой, будто он проглотил одну половину океана, а другой прополоскал рот. Даллас утерся о предплечье и снова сплюнул. Несколько дней он боролся с голодом и жаждой, пытаясь изо всех сил экономить вместе с остальными скудные запасы воды и продовольствия. А теперь при мысли о еде и питье ему делалось дурно.

Сколько-то минут спустя он сумел сесть, но по-прежнему был слишком слаб, чтобы встать. Поэтому остался сидеть и, пока сознание медленно приходило в норму, принялся разглядывать окружающую

местность. Он находился на небольшом острове, похоже необитаемом, но Далласу все еще хотелось позвать на помощь. Ветра не было, Даллас сидел неподвижно и слушал, как океанские волны плещутся о берег в нескольких дюймах от того места, где ночью его выбросило течением. Если он останется сидеть, прилив рано или поздно смоег его обратно в море. При этой мысли он обхватил себя руками, а потом стал прощупывать все тело, нет ли переломов. На Далласе остались одни шорты цвета хаки. Даже обувь он потерял. Как и сотоварищи, он сильно обгорел на солнце и покрылся волдырями. А теперь и ноги, и колени, и локти, и руки, и плечи, и грудь ищарапаны, покрыты крохотными порезами. Наверняка потому, что во время шторма его швыряло на каменистую полосу прибоя и протаскивало по ней, а затем выбросило на берег словно тряпичную куклу. Порезов, синяков и царапин было так же много, как волдырей, но от них не умирают.

Даллас прикрыл глаза рукой и посмотрел на пляж и простирающийся перед ним океан. Кристально-чистая вода, белый горячий песок. Даллас обернулся и глянул через плечо. Пляж в несколько ярдов тянулся до небольшой дюны, густо заросшей пальмами. Ярдах в сорока от первого ряда деревьев рос второй, а за ним виднелись джунгли. Даллас с трудом сглотнул и закашлялся. Затем повернулся и, пошатываясь, посмотрел направо, где увидел еще один длинный отрезок пляжа и такую же поросшую пальмами дюну. Слева он обнаружил скалы — множество огромных островерхих чудовищ: они

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

торчали из воды, словно древние каменные тотемы. Если б его принесло к острову с той стороны, он разбился бы вдребезги.

Вдалеке, в маленькой бухте на дальнем конце острова, ему бросилось в глаза что-то, как показалось, неуместное на фоне белого песка. Он всматривался сколько-то и убедился, что это вовсе не игра слепящего солнца. На песке валялась какая-то желтая штуковина. Часть ее колыхалась в воде и грациозно покачивалась на океанских волнах. Даллас протер глаза и взгляделся снова. Верно, зрение не обманывает его. Даллас всматривался еще очень долго, пытался собраться с мыслями. Когда ему это наконец удалось, он с трудом встал и, несмотря на слабость в ногах и головокружение, торопливо заковылял по берегу к предмету, в котором узнал остатки резинового спасательного плота. «Остальные,— подумал он.— Они тоже выбрались, они... пожалуй-ста, только бы я не оказался один!»

Перед глазами у него возникло лицо Куинн.

«Боже мой, Куинн! Где она, черт возьми? И что с ней?»

Из-за шока он забыл про Куинн и остальных, но теперь воспоминания нахлынули на него яростным, неподвластным калейдоскопом. В груди болело, в голове стучало, тело обессилело. Обжигая ноги об горячий песок, Даллас брел под палящим солнцем по пляжу. В голове вертелись лишь мысли о Куинн и остальной компании.

Дважды он споткнулся, но сумел устоять на ногах. Подойдя к бухте, свернул к воде и замедлил шаг.

Ступил на мокрый песок, осторожно перелез через груды валунов и оказался на другой стороне.

Покачиваясь, тяжело дыша и обливаясь потом, он стоял и смотрел на остатки надувного плота. Плот сдулся, его перекрутило и порвало в нескольких местах, с одной стороны небольшое пластмассовое весло все еще держалось, привязанное нейлоновой бечевкой. Передняя часть плота лежала на берегу, а задняя колыхалась на мелководе.

Даллас доковылял до плота и упал на колени.

Никаких следов — ни Куинн, ни кого-то еще.

Даллас закрыл глаза, к горлу подступил комок. Опять накатила страшная жажда.

— Куинн! — Даллас сам не ожидал, что крик выйдет таким громким, поэтому продолжал звать жену по имени со всей яростью, какую мог в себе собрать.

Ответа не было.

Вскоре гнев, страх, растерянность и разочарование превратили его крики в жуткое рыдание. В отчаянии он обеими руками схватил кусок плота и прижал к груди. Перед глазами все плыло от слез.

Минуту спустя он сник, затих, стоя на коленях на мокром песке.

Когда Даллас услышал нечто похожее на бесплотный голос, зовущий его издалека, то подумал, что снова потерял сознание и погрузился в царство кошмаров.

Но голос не только не переставал звучать, он становился все громче и громче.

Даллас поднял голову, смахнул с глаз слезы и песок и взгляделся в дальний конец бухты. Из яркого

солнечного света вынырнула фигура. Она, спотыкаясь, бежала по берегу, размахивала руками и звала его. Фигура звала его. И он узнал этот голос. Узнал, кто это, еще до того, как разглядел лицо.

— Куинн? — тихо спросил он хриплым, усталым и все же полным надежды голосом.

Борясь с изможденным, израненным телом, Даллас с трудом поднялся на ноги и бросился навстречу фигуре. Только что мысль о потере жены едва не убила его, поэтому, если окажется, что это сон или какой-то жестокий розыгрыш, он не оправится уже никогда.

Они с силой припали друг к другу, прижались в неистовом слиянии тел, сплетении рук. Закружились, повалились вместе на песок и принялись нежно ощупывать друг друга, желая убедиться, что это они и есть и что оба невредимы и остались такими, какими помнили друг друга. Их потрескавшиеся губы встретились, и они оба заговорили, но, по сути, не слушали один другого.

— Куинн! Боже... Куинн, я...

— Я думала, что потеряла тебя, родной. Я думала...

— Ты как?

— Я искала тебя, я...

— Я здесь.— Он снова притянул ее к себе и крепко обнял.— Я здесь, все... все хорошо. Я здесь. Ты жива, боже мой, ты... ты жива.

— Я люблю тебя.— Куинн целовала его в шею и щеку, добираясь до губ.

— Я тоже тебя люблю, я... я тоже тебя люблю.

Сколько-то времени они сидели в обнимку на песке, тяжело дыша, отдавшись чувствам.

Даллас осмотрел Куинн внимательнее. Босая, как и он, в выцветших нейлоновых шортах и лифчике от бикини. Мокрые светло-каштановые короткие волосы растрепаны и испачканы в песке. Как и он, Куинн измождена, покрыта волдырями и еще не оправилась от шока, но в остальном с виду цела и невредима. На самом деле, если не считать того, что шоколадно-золотистый загар, которым она щеголяла еще несколько дней назад, превратился в багровый солнечный ожог, выглядела Куинн на удивление здоровой, учитывая все, через что они прошли. Куинн, худенькая и гибкая, обладала мускулистой атлетической фигурой. И даже в тридцать четыре года не перестала выглядеть поджарой, но сильной пловчихой, какой была, когда они впервые встретились в колледже. А Куинн тогда считалась звездой команды по плаванию.

— Ты как, все нормально?

Она кивнула, обхватив его лицо ладонями.

— А ты?

— Пить очень хочется... и есть... а в остальном, все нормально.

— Ты весь в царапинах.

— Все нормально.— Он завладел ее рукой, протянул к губам и поцеловал.— А остальные как?

— Все здесь.— Куинн украдкой оглянулась через плечо.— Кроме...

Даллас тревожно взглянул на нее.

— Андре,— наконец произнесла она.— Его никто не видел.

Ужасы прошлой ночи и адских дней до нее постепенно возвращались к Далласу в виде обрывистых

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

20

кадров. Мердока, капитана и судовладельца, ранило как раз перед тем, как они покинули яхту. Даллас помнил, как вместе с остальными прыгнул вслед за плотом, и едва тот надулся, все устремились к нему. И только член экипажа Дэвис пропал без вести. Все кричали и искали его, но тщетно. Он так и остался на яхте.

Когда шторм утих, они три дня дрейфовали на маленьком плоту, пока новый разгул стихии не сбросил их в море. Когда разразилась буря, возле плота плыли Андре и Натали, поскольку была их очередь. Просто чудо, что кто-то из них восьмерых выжил и выбрался на берег.

Даллас смотрел на океан, в свое время он казался ему прекрасным. Теперь больше напоминал хищника.

— Где все? — тихо спросил Даллас.

— Они там, за скалами. Мы там с прошлой ночи, как только выбрались на берег.

— Все целы? — спросил Даллас.

Она крепко сжала ему руки.

— Там есть риф. — Куинн указала в сторону океана. — Вон там. На него мы и напоролась прошлой ночью во время шторма и слетели с плота. В темноте мы понятия не имели, как близко берег. Мердок по-прежнему ничего не видит. Глаза у него в ужасном состоянии, он едва не утонул, но жив. Нэт довольно сильно расшиблась о камни. У нее перелом.

— Серьезный?

Слезы радости у Куинн сменились печалью.

— Плохи у нее дела, Даллас.

— Черт,— произнес он, вставая на ноги и потянув за собой Куинн.— Где мы, черт возьми? Кто-нибудь знает?

— Точно — никто.

— А у Мердока нет никаких прикидок?

— Мы и надеялись, что он сообразит, но ночью он то и дело терял сознание. Ему тоже плохо, но меня больше беспокоит Нэт. У нее сломана рука. Мне удалось вправить кость, но у нее еще и внутренние повреждения.— Голос у Куинн задрожал, но она быстро взяла себя в руки.— У Нэт страшные боли, и она кашляет кровью.

— Господи Иисусе.

— Да уж,— сказала Куинн, вытирая глаза.— Идем.

Они обнялись и зашагали к остальным.

Они шли по песку, и с каждым шагом Даллас чувствовал себя сильнее. Одно осознание того, что Куинн жива и невредима, придавало ему сил. Куинн сильная — всегда была сильной. И ему тоже нужно быть сильным.

Пока подходили, Даллас увидел, что Херм смотрит на них. В паре футов от Херма сидела Харпер, а на песке между ними неподвижно лежала Нэт, рядом с ней Мердок.

— Срань господня,— сказал Херм и шагнул навстречу.

Он протянул кулак, и Даллас, чисто по привычке, стукнул по нему своим.

— Ты как, мужик?

— Живой. А ты?

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

То, что выжил Херм, поражало, наверное, больше всего. Ему было сорок шесть, что делало его самым пожилым в компании — если не считать Мердока. И физически он явно проигрывал остальным. Среднего роста, слегка пухловатый, Херм единственный из всех был в джинсах, или, точнее, в том, что от них осталось. Обе штанины висели лоскутами, но из одежды у него еще остались относительно целая белая футболка и недорогие кроссовки. Облысев после тридцати, Херм носил ужасный парик, который, хоть и пребывал не в лучшем состоянии, за время всех испытаний каким-то образом сумел удержаться у него на голове. Даже его очки с темнеющими на солнце линзами погнулись и исцарапались, но не сломались. Коллега и в первую очередь друг Далласа, Херм плохо знал остальных и выглядел чем-то вроде неуместной довески к их отпуску.

Даллас огляделся.

— А где Джино?

— Ушел вон туда, — равнодушно произнес Херм, указывая на джунгли. — Сдается, что решил поиграть в Тарзана. Или кем там он себя вообразил?

Харпер, новая подружка Джино и самая молодая из них — всего двадцать три, — сидела неподалеку на песке и тихо плакала. Густой макияж и накладные ресницы у нее давно смыло водой. В кроссовках и узеньком белом бикини она все еще походила на невесту как оказавшуюся здесь стриптизершу. Обесцвеченные длинные волосы спутались и прилипли к плечам, а пышная грудь едва помещалась в скудный лифчик. Глядя, как Харпер сидит и плачет

на песке, Даллас подумал, что она, наконец, стала выглядеть на свой возраст, даже моложе, стала походить на дитя.

Он перевел взгляд на Куинн. Та быстрым кивком дала понять, что Харпер хоть и расстроена, но в целом чувствует себя нормально.

Даллас присел рядом с Мердоком и осторожно тронул за руку.

— Кто это? — хрипло спросил тот. — Кто здесь?

— Это Даллас.

Капитан яхты, которую они зафрахтовали для ночной рыбалки, Джон Мердок, начавший сесть мужчина лет пятидесяти, лежал на спине. Его мужественное красивое лицо обезобразили солнечные ожоги, вокруг глаз кровоточили порезы. Когда разразился первый шторм, который потопил лодку, мощная волна обрушилась на мостик, разнесла его вдребезги, и осколки стекла вместе с щепками полетели капитану в лицо. Мердока ослепило, но ему удалось спрыгнуть за борт, где остальные подхватили капитана и подняли на плот. С тех пор Мердок то и дело терял сознание, Куинн обработала ему раны, как смогла. Но от него самого добиться каких-либо сведений было почти невозможно, поскольку, даже находясь в сознании, он редко когда мог говорить связно.

— Джон, — произнес Даллас, — послушай меня, хорошо? Я... я хочу, чтобы ты послушал меня.

Капитан повернул к Далласу голову и кивнул. Глаза у него походили на кровавое месиво.

— Ты можешь прикинуть, где мы находимся?

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

— Не может быть.

— Чего не может быть?

— Там, где мы были и где мы сейчас, нет никакой земли.

— Ты не понимаешь. Попробайся сосредоточиться, Джон. Мы на острове.

— Нет, это ты не понимаешь,— произнес он заплетающимся языком.— Здесь нет островов. Между самыми южными островами Кука и Антарктидой ничего нет — один океан.

— Тогда где мы, черт возьми?

— Нет земли, здесь... нет никакой земли...

Когда Мердок вновь потерял сознание, Даллас мельком глянул на приятелей, но ни один не посмотрел ему в глаза. Он подполз к Натали, стараясь не смотреть на ее покалеченную руку. Подружка Андре, Куинн, Джино и Даллас дружили уже много лет, и он никогда не видел, чтобы Натали болела чем-то серьезнее простуды. Натали была у них вместо второй мамы, за всеми присматривала и обо всех заботилась. Невозможно было представить ее лежащей в таком ужасном состоянии, но это было так.

— Осторожно,— предупредила его Куинн.— Не шевели ее.

Кивнув, Даллас взял обмякшие руки Натали в свои.

— Нэт?

Она лежала без сознания, грудь едва заметно поднималась и опускалась.

Куинн положила руку ему на плечо и легонько сжала. Даллас поднял глаза на жену, та медленно

мотнула головой. Натали умирала. Это был лишь вопрос времени.

Даллас выпустил руку девушки, осторожно положил на песок, затем поднялся на ноги.

— А Андре, никаких следов? — тихо спросил он.

— Последний раз я видела его, когда плот перевернулся, — беспомощно ответила Куинн.

— Ага, — добавил Херм.

Даллас посмотрел на Харпер, но та плакала, закрыв лицо руками.

— Ты уверена, что у нее все нормально? — спросил он.

— Нет, у меня не *все нормально*, мать вашу! — закричала она, резко подняв голову и дико выпучив голубые глаза. — Что за фигня? Почему нас до сих пор не нашли? Я хочу домой!

Даллас, Куинн и Херм стояли не зная ни что делать, ни что сказать.

Как по команде, из ближайших зарослей вынырнул Джино Кортеше, походил он на бывалого охотника-выживальщика, только что вышедшего с кинопроб. Его темную загорелую кожу солнце обожгло меньше, чем у остальных. В майке, шортах и кроссовках его идеально сложенное тело казалось еще более впечатляющим, чем обычно. Джино был сильным, проворным, уверенным в себе, каковым и выглядел. Короткие темные волосы растрепаны, и, не будь нескольких царапин и волдырей, он на первый взгляд остался целехонек. Джино подошел к Далласу, и старые друзья обнялись. Лишь на миг, затем Джино осознал, что расчувствовался, и быстро отступил.

— Рад видеть тебя, братан,— пробормотал он.

— Он думал, что ты умер,— сказал вдруг Херм.

Джино гневно сверкнул на него взглядом.

— А что, разве не *так* говорил? Далласа и Андре больше нет, с этим надо смириться и думать о тех из нас, кто еще жив, верно?

— Херм,— вздохнула Куинн.— Господи.

— Зачем ходил в джунгли? — спросил Даллас, в надежде отвлечь Джино.

Тот вновь перевел взгляд на Далласа.

— Провел небольшую разведку. Пытался выяснить, что это за остров. Мне придется подняться выше, чтобы все проверить, но думаю, остров довольно маленький. Ясно, что необитаемый. Но нам нужно оценить обстановку как можно лучше и быстрее.

— Две тысячи четырнадцатый год на дворе,— сказал Херм, стряхивая песок с джинсов.— Нас найдут — это лишь вопрос времени. Да бросьте! Восемь американцев потерялись в море во время отпуска? Да я уверен, что дома мы уже во всех новостях. Бьюсь об заклад, все самолеты и корабли ищут нас с самой первой ночи. Нас найдут.

— Ты уже сколько дней это твердишь,— напомнила ему Куинн.

— Вопрос в том, где нас ищут,— сказал Джино.

— На Луне,— осклабился Херм,— где же еще, потвоему?

Далласа покорило, что при таком положении дел Херм может смеяться над чем угодно, да еще столь цинично.

— Слушай, гений,— произнес Джино,— Мердок сказал, что, когда яхта пошла ко дну, он послал сигнал бедствия. То есть они знают, где мы были. Шторм продолжался всю ночь, и будь уверен, что нас от того места отнесло на приличное расстояние. После этого мы еще три дня дрейфовали на плоту. Неизвестно, как далеко мы находились от первоначального места, когда разразился следующий шторм и нас отнесло еще дальше. Может, мы в сотнях миль от той точки, где затонула яхта. Я тоже уверен, что нас ищут. Проблема в том, что сюда они, вероятно, просто не заглянут.

— Это обнадеживает,— пробормотала Куинн.

— Точно говорю,— сказал Джино.— И в нашем положении важно смотреть правде в глаза, а не врать себе и не рассказывать сказки. Отдавать себе отчет, как обстоят дела на самом деле.

— А на самом деле,— сказал Даллас,— мне хочется пить.

— К счастью, вода у нас есть.

— Правда?

Джино кивнул на пальмы.

— Идем.

Даллас пошел следом и вскоре распознал кусок плота, его растянули и привязали ветками лиан к двум палкам, глубоко воткнутым в песок. В самодельный резиновый сосуд набралось почти три дюйма воды.

— Только и пользы от ночного шторма, что дождь лил,— сказал Джино.— Я мигом сварганил эту штуку, чтобы натекло хоть сколько-то воды. Надо будет

как можно быстрее придумать что-нибудь получше, но пока сойдет и это.

Даллас бухнулся на колени, жадно зачерпнул две пригоршни воды и проглотил их. На губах и в горле почти сразу полегчало, эта вода, хоть и теплая, показалась ему самым вкусным, что он когда-либо пробовал.

— Полегче, конструкция не самая крепкая,— сказал Джино.— И пей в меру, это все, что у нас есть. Кто знает, когда снова пойдет дождь?

— Извини,— тяжело дыша, ответил Даллас, он вытер с подбородка оставшуюся влагу, с губ слизал языком.

— Не извиняйся. Просто нам нужно быть умнее. Даллас кивнул.

— Никогда еще так жажда не мучила,— тихо сказал он.

До этого он задавался вопросом, откуда у приятелей берутся силы. Теперь он знал. Джино и на сей раз не подкачал.

На плоту имелась вода в бутылках, которую Джино принес с собой на яхту в составе аварийно-спасательного набора, но с тех пор Даллас ничего не пил. В то время все потешались над паранойей Джино, называли это типичной «выживальщицкой» чепухой. Но когда дела обернулись плохо, если б не та холщевая сумка с водой в бутылках и питательными батончиками, которую они, по его настойчивой просьбе, взяли с собой, три дня дрейфа им было бы не выжить.

Даллас и Джино вернулись к остальным. Куинн сидела на корточках рядом с Натали, держала ее за

руку и, склонив голову, медленно шевелила в молитве потрескавшимися губами. Харпер стояла у самого прибоя и всматривалась в океан, а Херм не сводил с нее глаз, рассеянно почесывая себе промежность.

— Эй, извращенец,— окликнул его Джино.

Херм ухмыльнулся в ответ.

— Я, кажется, сказал тебе сходить за остатком плота.

— Ну, сказал.

— Так иди и притащи, пока его не унесло в море. Может понадобится, и весло тоже.

Херм посмотрел на Далласа, ища поддержки.

— Так, а когда Джино выбрали в командиры? Я что, пропустил собрание?

— Просто сделай это, придурок.— Джино шагнул в его сторону.— Нам надо действовать сообща, сообщаемся?

— Так вот что, по-твоему, действовать сообща? «Просто сделай это, придурок»? Что, серьезно? — Херм покачал головой.— Знаешь, что я уже четыре дня не курю. И без того готов убить кого-нибудь, так, может, перестанешь корчить из себя Дэниэла Буна¹ и пойдешь в задницу, как тебе такое?

Прежде чем Джино успел ответить, Даллас встал между ними, взял Херма за плечо и отвел в сторону.

— Слушай, я знаю, что все мы на взводе. Все пережили шок и вымотались. Все проголодались и хотим пить. Но Джино прав, нам надо...

¹ Американский первопоселенец и охотник (здесь и далее примечания переводчика).

— Да пошел он на хрен. Разговаривает со мной как с куском дерьма, Дэл.

— Знаю, знаю. Но он не считает тебя дерьмом. Просто у него такой стиль общения. Да, он не самый дипломатичный человек. Но в душе неплохой парень, и он нам нужен, Херм. Понимаешь? *Нужен*. Он знает, как выжить здесь, лучше, чем мы все вместе взятые. Делай, что он говорит, и все, ладно? Он не даст нам погибнуть, но ты должен доверять ему.

— И терпеть его выходки?

— Да, и терпеть его выходки.

Сколько-то секунд Херм буравил Далласа взглядом, затем медленно кивнул и тяжело вздохнул.

— Ладно.

— Иди, притащи остаток плота.

Даллас повернулся и пошел обратно к остальным. Джино, по-видимому, уже переключился на другое, он стоял и оценивающе смотрел на большой скалистый утес в дальнем конце острова.

— Вон,— сказал он, ткнув пальцем.— Мне надо слазить вон туда.

— Думаю, не так это легко.

— Все будет нормально.

— Будь осторожен, Джино. Если с тобой что-то случится, мы окажемся в заднице.

— Мы уже в ней, коллега.

— Я серьезно. Ты нам нужен. Без тебя мы не выдюжим.

— Ага, некоторые из нас не выдюжат в любом случае.— Он посмотрел мимо Далласа на Херма, тот отошел уже довольно далеко.— Андре был сильным,

в отличной физической форме. Сообразительным, отлично плавал. Но он не выдюжил, в отличие от этого мешка с дерьмом. Невероятно.

— Херм просто...

— Он слабак.

Даллас посмотрел в темные глаза Джино, и впервые увидел то, чего никогда раньше не замечал. Холод, рожденный чистым инстинктом выживания. Джино никогда не поддавался эмоциям, часто был жесток и крайне серьезен. Из тех парней, которые живут по шаблону. Но теперь в нем угадывалось нечто совсем другое. Более глубокое... более опасное...

— Думаю, есть небольшой шанс, что Андре жив, и он где-то здесь, — сказал Джино. — Может, в другой части острова. Хотя маловероятно.

Несмотря на то, что Джино и Андре дружили крепче, Даллас тоже знал Андре не один год, и поверить в его смерть было трудно. Даже сейчас, подумав об Андре, он увидел его широкую улыбку, услышал его заразительный смех. Представил себе рослого красавца с отлично натренированным за годы посещения спортзала телом. Казалось странным, что Андре погиб, а физически хлипкий Херм выжил. Но природа бывает не только жестокой, но зачастую и своенравной.

— Даже не верится, что его больше нет, — произнес Даллас, — быть не может.

— На этом странном острове все может быть. Чем быстрее мы поймем это, тем лучше.

— Нэт знает?

— Она ничего не знает. Она в отключке с того момента, как я вытащил ее из воды.— Джино вдохнул полной грудью и медленно выдохнул.— По крайней мере, так и умрет, не узнав.

Еще несколько дней назад все они были счастливы, беззаботны, отдыхали в отпуске, совершенно уверенные, что жизнь их идет так, как должна идти, и ничто не может нарушить этот порядок... а теперь...

— Надо кое-что прояснить,— сухо произнес Джино.— Как только тот придурок вернется с остатком плота, я поговорю со всеми, чтобы мы настроились на одну волну и знали, что делать. Мне надо, чтобы ты поддержал меня, хорошо?

— Да,— кивнул Даллас,— конечно.

В знак благодарности Джино непринужденно хлопнул его по плечу.

— Я вот что хотел спросить,— сказал Даллас, понижая голос.— Сколько у нас шансов? Знаю, что не много, но все же?

— Хочешь знать, сколько у нас шансов?

— Хочу знать правду.

— Правду ты уже знаешь.— Джино перевел взгляд на океан.— Полагаю, что нас будут искать в радиусе десяти тысяч миль, хотя сложно знать наверняка. Но если мы, как я думаю, находимся в сотнях миль к югу от островов Кука, шансы, что нас найдут, близки к нулю. Возможно, мы никогда не выберемся отсюда, по крайней мере, живыми.

— Ты уверен?

— Тут никто не может быть уверен. Но если не произойдет чуда, вероятнее всего, мы останемся на этом острове надолго.

Белый песок, пальмы, джунгли, бескрайнее синее небо и чистая вода — все это должно было казаться столь прекрасным — и было прекрасным,— но чувствовалось что-то еще. Что-то опасное и смертоносное, оно заточило их здесь, изолировало от остального мира и от людей. В этот момент Даллас подумал о доме — впервые после бесконечных часов, проведенных на маленьком резиновом плоту, когда не оставалось ничего, кроме как молиться о спасении, размышлять о жизни и, возможно, о ее скором конце.

— Идем,— сказал Джино, возвращая его в действительность.

Когда они подошли к остальным, показался Херм. Он неуклюже ковылял по песку, волоча за собой остаток плота. Поравнявшись, он бросил плот и, указывая на него обеими руками, стал кривляться, изображая говорящую куклу.

— Ты доволен, Тонтто¹? — спросил он Джино.

— Так, народ,— произнес тот, не обращая на него внимания,— слушай сюда.

Стоявшая у прибора Харпер подошла, глаза у нее покраснели от слез. Куинн осталась сидеть рядом с Нэт. Она держала ее руки в своих, но смотрела на собравшихся. Херм, устало кряхтя, опустился на песок.

¹ Персонаж радиоспектакля об Одинокоем рейнджере (1933 г.), индеец племени потаватоми.

— Значит, расклад такой,— сказал Джино.

Он замялся, потом продолжил:

— Дело в том, что мы понятия не имеем, когда выберемся отсюда. И, пока мы здесь, нам придется пойти на кое-какие меры, чтобы шансов выжить было больше. Здесь не курорт, и теперь мы не в отпуске.

Херм покачал головой и посмотрел на Далласа.

— Он что, серьезно?

— Херм, пожалуйста,— сказал Даллас.— Помолчи и послушай человека.

— Мы теперь не в отпуске? И впрямь, кто бы мог подумать.

— Ты будешь слушать или трепать языком? — спросил Джино.

— Мы провели три дня на клятом плоту среди Тихого океана. Потеряли Андре. Нэт и Мердок серьезно ранены, и все мы прошли через ад. Так что уж, наверное, понимаем, что мы теперь не в отпуске. Ну да ладно, говори дальше и, пожалуйста, прекрати важничать, если можешь.

— Ты что, думаешь, я в игрушки играю? Думаешь, шучу? Если мы с этого же момента не будем делать все, как надо, то сдохнем, понимаешь? Сдохнем.

— По крайней мере, мы снова на твердой земле, истерик. Я бы сказал, дело идет на лад. Там, в открытом океане, шансов у нас было гораздо меньше.

Джино упер руки в бока и отвернулся, стараясь не взорваться.

— Я этим заниматься не обязан. Я знаю, как здесь выжить, понял? Я вам стараюсь помочь. Если будем действовать сообща, может быть — *может*

быть — сумеем выкарабкаться. Но нам надо держаться вместе, действовать с умом и понимать, что нужно делать, а чего нельзя. Хочешь обойтись без меня, Херм? Все обдумал? На здоровье, мне плевать. Но все остальные хотят и должны услышать то, что я скажу. И у нас нет времени стоять тут и разглагольствовать, надо приниматься за работу. Ты все усложняешь, и я не позволю тебе подвергать наши жизни опасности твоей самоуверенной чушью.

— Ты себя вообще не слышишь из-за своего дурацкого самолюбия? Как ты можешь мне чего-то не позволить?

— Да, ублюдок, не позволю.— Джино встал в угрожающую стойку, руки у него хоть и были опущены, но кисти сжались в кулаки.— Так что послушай хорошенько. Сядь и заткнись или проваливай на хрен. Ты меня уже достал. Лучше не доводи.

Херм притворно вздрогнул.

— Пожалуйста, не пугай меня.

— Не мог бы ты просто помолчать? — попросила Куинн.— Хоть немного?

Даллас перехватил взгляд Херма и медленно, предостерегающе помотал головой. Джино был человеком, с которым не стоило драться, и все это знали. Стараясь не привлекать внимания, Даллас встал поближе к Херму на тот случай, если придется спасти его от избиения.

Когда стало ясно, что никто не намерен вставать на его сторону или защищать, Херм перестал ухмыляться и, как жертва ограбления, поднял вверх руки.

— Ладно,— наконец сказал он.— Валяй.

— Вода, еда, укрытие,— сказал Джино.— Вот что нам надо. Вода пока у нас есть, но ее мало. Мы могли бы смастерить дождевые накопители получше и придумать систему, чтобы во время дождя можно было собирать как можно больше воды. Проблема в том, что мы понятия не имеем, как часто или как долго здесь идут дожди. Второй вариант — кипятить морскую воду и даже построить солнечный опреснитель для преобразования нашей мочи в питьевую воду, если до этого дойдет. С морской водой все немного сложнее, но я уверен, что смогу собрать эффективную систему, в зависимости от того, что мне здесь удастся найти. Как я вам, ребята, говорил еще на плоту, вода — крайне важный фактор. Большинство людей способно продержаться без еды несколько недель. Да, это хреново, и вам будет чертовски плохо, но вы выживете. Но без воды вы все умрете через три-четыре дня. Что до еды, это не такая уж большая проблема. Думаю, на острове, хоть он и маленький, вполне могут обитать какие-нибудь съедобные животные. Грызуны или какие-то насекомые, может, какие-то змеи, но пока это сложно понять. То же самое с растительностью, в том смысле, что какая-то ее часть может оказаться съедобной. Но мне надо повнимательнее осмотреть остров. Честно говоря, в растениях я не очень разбираюсь, но, наверное, смогу определить зелень, которую мы могли бы употреблять в пищу. Хорошая новость такая — нас окружает океан, а в нем полно еды. Плохая новость — эту еду нам придется ловить

или искать. Но, опять же, как только я найду подходящие материалы, смогу изготовить рыболовные снасти, может, даже несколько ловушек. Плюс на пальмах полно кокосов, многие уже лежат на земле. Они жизненно важны, поскольку в них много питательных веществ, а также жидкость. Но дело в том, что расколоть их не так легко, как показывают в кино, это чертовски трудно, понадобится много сил или подходящее орудие, что-нибудь очень острое. Я могу вытесать из камней орудия, которые, надеюсь, помогут нам без особого труда вскрывать кокосы. Но такие вещи не появляются из ниоткуда, мне придется делать их, и вы должны будете помочь. Каждый должен вносить свой вклад, понимаете?

— И наконец,— продолжил он,— укрытие. Думаю, после вчерашней ночи все согласны, что продолжать сидеть на пляже — не вариант. Мы здесь совершенно не защищены и полностью во власти стихии. Эту проблему, возможно, решить будет сложнее. На берегу, недалеко отсюда, я заметил несколько скал. Там могут быть пригодные пещеры. Но это надо еще выяснить. Или можно соорудить просто навесы, они защитят нас от дождя. Всем нам придется вкалывать, вот тогда и не обойтись без воды. На работы уйдет много времени и сил, поймите правильно. И при нехватке воды, особенно в такую жару, работать у нас не хватит силы. Поэтому самое главное — вода. Начинаем с принятия некоторых жестких решений. Это необходимо. Сейчас речь идет о выживании, и мы все должны понимать это. Поскольку, даже если мы будем делать все как

надо, даже если будем использовать все возможности — погибнуть здесь очень легко.

— Говори, что делать, и мы сделаем,— сказал Даллас.

— Надо очень экономно расходовать ту малость воды, что у нас есть.— Джино нахмурился, посмотрел на Куинн.— Я знаю, что ты время от времени поишь Нэт.

Куинн кивнула.

— Совсем чуток,— тихо сказала она.

— Больше не пои.

Куинн ошарашенно глянула на Джино.

— Я только смачиваю ей губы и даю чуть-чуть плотнуть, когда она в сознании, вот и все.

— Это слишком много.

— Тогда я буду давать ей часть своей доли, ладно?

— Нет, не ладно. Потому что ты нужна нам сильной, а чтобы быть сильной, тебе надо пить. Нам всем придется обходиться меньшим количеством воды, чем необходимо, по крайней мере, вначале. Чтобы выжить, нам придется выбирать. Не всегда это будет приятно или справедливо, порой даже наоборот. Иногда выбор покажется жестоким, но он необходим. Суть в том, что Нэт не станет лучше, Куинн. Мы все это знаем. Вода здесь на вес золота. Мы не можем тратить ни капли ее на Нэт.

— Он прав,— внезапно произнес Мердок.

До сего момента никто не знал, что он пришел в сознание.

— И если мне не станет лучше, от меня не будет никакой пользы,— добавил он.— Так что мне тоже ничего не давайте.

Куинн оставила Натали, подошла к нему и взяла за руки.

— Тише,— сказала она.— Все будет в порядке.

— Да,— пробормотал он,— хорошо, детка.

— Нам, конечно, придется принимать трудные решения,— сказал Даллас.— Но нельзя терять человечности. Мы все еще... имею в виду... мы все еще...

— Он снова потерял сознание.— Куинн осторожно сложила Мердоку руки на груди, затем вернулась к Натали.

— И еще одно,— сказал Джино.— Я хочу, чтобы никто из вас никуда не ходил один, понимаете? Этот остров может быть очень опасным. Прогулка в одиночку может погубить.

— А костер? — спросил Херм.— Даже я знаю, что нам нужен огонь.

— Да,— наконец произнесла Харпер детским голоском, который когда-то всех веселил.— Проплакая ночь была самой темной в моей жизни, было очень страшно.

Херм закатил глаза.

— Вот видите.

— Как раз для костра и пригодятся твои очки,— сказал Джино.— Но прежде всего надо условиться насчет воды. Мы разделим ее, но только между нами и...

— Нет смысла об этом говорить,— сказала Куинн.

— Куинн, послушай, мне это нравится не больше, чем тебе, но...

— Я сказала, нет смысла. Нэт больше не будет пить нашу воду.

Когда все обернулись на нее, Куинн встала, дрожа всем телом. По лицу у нее текли слезы.

— Она только что умерла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Позднее ночные кошмары рассеялись, и Куинн стали сниться Натали и Андре, ее жизнь с Далласом, дом и все, кого она знала и любила. Она видела их в своих снах. Вот они смотрят на нее, иногда даже успокаивают, говорят, что у них все хорошо, что они скучают по ней и что придет день и они снова увидятся. Ужасы штормовой ночи, в которую затонула яхта, преследовали Куинн несколько дней. Она помнила, как погрузилась во тьму, как океан проглотил ее, как она вырвалась на поверхность и обнаружила лишь неистовое бушующее море, которое швыряло ее из стороны в сторону, словно тряпичную куклу. Эти моменты останутся с ней навсегда. Хаос и ужас: они вшестером бесцельно кольшутся на плоту, медленно умирают под беспощадным солнцем, а вокруг плота поджидают акулы. А двое, что плывут рядом, стараются выбраться из воды, не опрокинув плот. Первобытный страх, не похожий ни на что пережитое ею и остальными ранее. Теперь все эти воспоминания стали частью ее. Иногда они подкрадывались к границам ее снов, словно напоминали, что не ушли далеко. Но затем наступал рассвет, и Куинн искренне верила, что спасена. И только через несколько секунд понимала, что это не спасение, а

солнце нового дня, еще одного дня. Здесь, на острове, в месте, столь же безнадежном, беспощадном и жестоком, сколь и прекрасном. И в эти тихие, одинокие и мучительные моменты Куинн была уверена, что ни один из них восьмерых никогда не покинет остров. Даже после смерти она с остальными так и останется в этой ловушке. Навсегда...

В первые дни на острове они попытались соорудить на пляже что-то вроде лагеря, подчинялись Джино, указывавшему им, что и как надо делать. Джино, хоть он и зарабатывал на жизнь в крупной компании, сидя за столом в костюме и галстуке, был адреналиновым наркоманом и выживальщиком-энтузиастом. Годами в свободное время изучал методы выживания и испытывал себя, применяя их по всему миру во время многочисленных отпусков, будь то густые леса Тихоокеанского северо-запада, австралийская глубинка, дикая природа Аляски, африканский экорайон Серенгети или джунгли Южной Америки. Он был опытным следопытом и охотником, заядлым альпинистом и любителем рафтинга, прыжков с парашютом и погружений с аквалангом, поэтому обладал огромным опытом рискованных путешествий. Плюс Джино довольно хорошо знал флору и фауну и как выжить в той или другой местности и в самых разных условиях. Для остальных отдых на курорте на островах Кука с купанием, солнечными ваннами и рыбалкой на спортивной яхте виделся настоящей авантюрой, но для Джино это была одна из его самых безобидных поездок.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

42

Пока все не пошло наперекосяк, и он вдруг снова оказался в своей стихии.

Забота о воде была не самой главной, поэтому Джино велел всем заняться едой и укрытием. Он показал, что именно нужно искать на опушке, и Херм с Далласом стали собирать листья и ветки, чтобы скорее построить навес, а Харпер подбирала с земли кокосы, отбрасывая те, которые уже начали гнить. Джино между тем внимательно осмотрел берег у скал, пока не нашел пару камней, принялся колотить их о другие камни и сумел вытесать примитивные, но действенные орудия труда. С их помощью можно было срезать ветки, а также, прилагая много сил и терпения, надкалывать скорлупу кокосовых орехов, и вскрывать их становилось легче.

Жара изнуряла всерьез, и чем усердней они работали, тем больше хотелось пить. Поэтому Джино настаивал, чтобы они работали медленно, но эффективно, почаще прерывались и делали глотки воды лишь в случае крайней необходимости.

Джино с Далласом выкопали ямку и обложили ее камнями, нашли чем разжечь костер. Джино использовал линзы от очков Херма, очень долго поворачивал их под разными углами, наконец задымил, а потом затеплилось и пламя, из которого Джино уже развел полноценный костер. Когда огонь разгорелся, он оставил Херма присматривать за ним. Затем вместе с Далласом набрал самых крепких палок, какие они только смогли найти, чтобы потом, с помощью заостренных камней, заточить концы и превратить в рыболовные копыя.

Когда откладывать дальше стало нельзя, Джино с Далласом похоронили Натали.

Куинн знала Джино почти так же давно, как Далласа. И, хотя Джино был очень близким другом мужа, он ей не нравился, хоть и совсем чуть-чуть. Вдобавок он раздражал ее своей грубостью, высокопарностью, снисходительным отношением к людям и самоуверенностью. Он ни разу не женился, а ухлеbstывал за женщинами гораздо моложе себя, обычно такими, которые не представляли для него угрозы и не создавали осложнений в интеллектуальном плане, за женщинами с особо пустым взглядом и просто пышными формами. Джино был из тех, кто в некоторой степени превозносит мужчину над женщиной, таких Куинн обычно презирала, но при желании мог стать очень обаятельным, внимательным и добрым. Мог бросить все дела и прийти на помощь друзьям. Обычно напряженный и задумчивый, он мог и посмешить и повеселить, когда был в настроении. Как часто говорил Даллас, к нему надо просто привыкнуть. Но в сложившихся обстоятельствах Куинн была рада, что Джино с ними. Без него они, вероятно, уже погибли бы.

Щурясь от слепящего солнца, она смотрела, как Джино и Даллас бросают последние горсти земли и песка в яму, которую они выкопали и в которую опустили обнаженное тело Натали. Несмотря на возражения Куинн, Джино настоял, чтобы ее раздели, поскольку одежда может пригодиться. Они похоронили Натали, как смогли, на пляже неподалеку, между двумя рядами пальм. Куинн все еще не могла

поверить, что подруги больше нет, что она умерла прямо у нее на глазах. Всего несколько часов назад, на плоту, именно Натали заверяла их, что все будет хорошо и что однажды они вспомнят произошедшее как большое приключение. Она всегда была оптимисткой, даже в последние, так обернувшиеся дни. Поэтому ее смерть казалась несправедливостью.

Когда-то Куинн работала в неотложке. Повидала довольно много крови и даже смертей. Именно это в конечном итоге и вынудило ее бросить работу, вернуться к учебе и получить диплом по экономике. С тех пор она работала региональным менеджером в магазине одежды. Прежде Куинн никогда не опускала рук. Сперва ею двигали жажда адреналина, желание помогать и даже спасать чужие жизни. Но когда она прибыла по вызову на место смертельной автомобильной аварии, где среди жертв оказалось двое детей, в ней что-то изменилось. Это было уже слишком. Она никак не могла забыть те детские лица, ходила к психологу, чтобы тот помог пережить травму. Ни до, ни после того случая ничто так не потрясло ее. Вплоть до сегодня, вплоть до этих безумных дней. Смотреть, как умирает одна из лучших подруг, держать ее руки в своих, оказалось гораздо более личным, гораздо хуже, чем видеть переломанные тела мертвых детей. Натали должна была жить, как и невинные ребяташки. Натали была из тех, кто всегда приглядывает за всеми и за каждым, а о себе думает в последнюю очередь.

— Все нормально?

Куинн обернулась и увидела в паре футов от себя Херма. Он держал охапку маленьких прутьев, листьев и прочего, что легко горело и что он собрал на опушке, как научил Джино.

— Куинн,— повторил он, не дождавшись ответа,— у тебя все нормально?

— Не знаю,— ответила она, пожав плечами.— Это какой-то кошмар.

— Да уж,— тихо произнес Херм.— Если бы мы только могли проснуться, верно?

Куинн вытерла с глаз вновь выступившие слезы и кивнула.

— Мне очень жаль,— сказал он.— Знаю, что вы с Нэт были очень близки. Я знал ее не так хорошо, как вас, ребята, но она была отличным человеком. Мне... мне казалось, что за последнюю пару дней я узнал ее лучше и... я... в любом случае... мне очень жаль.

Куинн выдавила слабую улыбку.

— Спасибо, Херм.— Она жестом указала на охапку хвороста у него в руках.— Помочь?

— Нет, лучше не стоит. Мне надо ждать дальнейших указаний от нашего верховного главнокомандующего.— Он усмехнулся.— Но бедной Барби помочь, наверное, надо.

Куинн проследила за его взглядом в противоположную от могилы Натали сторону, где ярдах в сорока от них Харпер собирала в кучу упавшие с деревьев кокосы. Она вяло бродила взад-вперед, поднимая с земли кокосовые орехи, а затем бросала их в одну небольшую кучку.

— Я знаю, что всем нам страшно,— сказала Куинн,— но этой бедняжке страшнее вдвойне.

— Конечно. Сколько ей? Четырнадцать?

— Вообще-то, двадцать три.

— Представьте себе парня вроде Джино, встречающегося с пляжной крошкой, которая моложе его на двенадцать лет. Это же ужас!

— Эй, ты сам на нее пялился, хотя годишься ей в отцы.

— Я с ней не встречаюсь. Но спасибо, что напомнила.

Херм действительно ни с кем не встречался. За все годы, что Куинн знала его, у него была лишь одна подружка, и их отношения длились всего пару месяцев.

— Думаю, она — неплохая девчонка,— сказала Куинн,— просто немного ограниченная, вот и все.

— А еще говорит, как Смурфетта¹.

— Какой же ты... прямо ужас.— Куинн устало улыбнулась.

— Это так, но, по крайней мере, заставил тебя улыбнуться.— Херм решил еще немного понаслаждаться общением с Куинн.— Как, по-твоему, о чем они с Джино разговаривают? Хотя даже неважно, что за тема. Наверное, если послушать их, будет та еще умора, верно?

Не в силах сдержать очередную улыбку, Куинн покачала головой и направилась к Харпер.

¹ Героиня мультсериалов, фильмов и комиксов франшизы «Смурфы».

— Спрошу, не надо ли ей помочь.

— Ты права, мне, наверное, лучше не потворствовать.

Куинн побрела прочь, ступая босыми ногами по горячему песку. Она — как и Даллас, насколько ей было известно,— всегда жалела Херма. Он был тяжелым случаем. Зачастую вел себя как полный придурок, хотя мог быть очень милым, а еще умел, как никто другой, видеть юморную сторону даже в самой неприятной ситуации. «И пусть Херм острит порой пугающе, резко и не к месту, его шутки все равно дороги»,— подумала Куинн. Она только что потеряла подругу. Они так и не нашли Андре, и, похоже, никогда уже не найдут, он тоже погиб. Но Херм заставил ее улыбнуться. «А это задача не из легких»,— подумала она, оглядываясь через плечо.

Херм стоял с потерянным видом, держа в руках хворост, и смотрел на нее. Никогда еще он не выглядел таким одиноким. Было в его взгляде что-то очень тревожное, он и сам будто только что осознал это. Но никто из них не мог ничего поделать. Никто из них не мог ничего изменить.

Когда Куинн подошла к пальмам, Харпер увидела ее. Бросила кокос на песок и принялась с отвлечением разглядывать себе руку.

— Ноготь сломала,— сказала она, закатывая глаза.— Осталось только два.

— В любом случае, похоже, ты отлично справишься.

Харпер махнула на собранные кокосы.

— Хватит их или... типа...

— Да, думаю, хватит.

— Отлично, а то они, типа, очень грязные. Не люблю кокосы.

— Идем,— сказала Куинн, наклоняясь,— давай отнесем их.

Заламывая руки, Харпер опустила глаза.

— Куинн, можно спросить тебя кое о чем?

— Конечно.

— Мы умрем здесь? — Девушка закусила нижнюю губу и заплакала.

Куинн взяла ее за руку. Она знала, что ответа у нее нет, но вместо этого сказала:

— Да нет, конечно. Не плачь.

— Думаешь, нас спасут? — шмыгнула носом Харпер.

— Может, не сразу, но... да, конечно, спасут.

— Правда?

— Знаю, что трудно, но постарайся взять себя в руки, ладно? Как все мы.

— Что-то я в последнее время расклеилась.— Харпер нервно рассмеялась, затем затихла и посерьезнела.— Мне очень жалко Нэт. Я плохо ее знала, но она была хорошим человеком

— Да, это так.

— Я никогда раньше не видела, как кто-то умирает. Никогда не знала никого, кто бы умер, только мою прабабушку. Она умерла, когда я была еще маленькой, но бабка была очень старой.— Харпер покачала головой, будто это лучше давало понять, что она имеет в виду.— Я работаю официанткой в

«Джаггиз»¹, откуда мне знать про смерть? Если вам нужны закуски или выпивка из бара, это ко мне, понимаешь? Но я... я поверить не могу, что такое происходит. Похоже на какое-то кино. Я просто хочу домой. Хочу, типа, принять душ, надеть пижамку, поиграть с кошкой — я очень по ней скучаю, правда. Хочу айфон, чтобы поболтать с друзьями, что-нибудь почитать, початиться, потом позависать где-нибудь. Хочу выпить, потанцевать, повеселиться. Я... не хочу... сидеть на этом острове. Здесь отстой.

Куинн кивнула, не зная, что ответить.

— Джино иногда злится на меня, потому что я не интересуюсь всей этой «выживальщиной», которой он увлекается. Но это, типа, просто не мое. Я больше люблю развлекаться. Типа, живем один раз, и все такое. Понимаешь? Я, может, многого не знаю, но нам не надо было брать ту дурацкую яхту. Мы могли просто остаться на пляже или в отеле, и все такое. Там было так красиво. Здесь тоже красиво, только мне здесь страшно. А тебе?

— Да, немного.

Харпер комично нахмурилась.

— Можно спросить тебя еще кое о чем, Куинн?

«Ради Бога, лучше не надо».

— Спрашивай.

— Думаешь, с Андре все нормально?

— Точно никак не узнать, но нет, Харпер, думаю нет.

¹Название заведения можно перевести как «Большие сиськи».

Харпер скривилась, снова заплакала.

— Идем,— тихо произнесла Куинн, присаживаясь рядом с ней.— Я помогу тебе отнести кокосы. Харпер вытерла слезы.

— Куинн?

— Да? — ответила она, тяжело вздохнув.

— Спасибо за доброту.

Куинн улыбнулась, хоть и через силу, затем принялась подбирать кокосы.

Вдруг подняла голову и всмотрелась в чашу. Ощущение, что за ними кто-то наблюдает, накатило так сильно, что, несмотря на безжалостную жару, по спине у нее пробежал холодок.

— В чем дело? — спросила Харпер, распахнув глаза.

Вместо ответа Куинн пристально смотрела в заросли, водила глазами туда-сюда, выискивая что-то необычное. Но тщетно... и все же она не могла избавиться от чувства, что за ними следит кто-то... или что-то. И что бы это ни было, оно вовсе не дружелюбное. В ней проснулось первобытное ощущение опасности, и ей инстинктивно захотелось броситься бежать. Но она осталась стоять на месте.

— Ну чего ты так смотришь? — продолжала упорствовать Харпер.— Мне страшно.

С океана налетел теплый ветерок, пронесся по краю джунглей, листья зашелестели, будто зашептались. Ощущение опасности исчезло так же быстро, как и появилось, словно его унесло этим дуновением.

— Да ничего,— рассеянно ответила Куинн, по-немногу успокаиваясь.— Я подумала...

— Что?

— Да ничего. Всё в порядке.

Куинн опять стала поднимать с земли кокосы. К счастью, Харпер не стала говорить и расспрашивать, а тоже склонилась над кокосами, и они вместе отнесли несколько орехов к месту, где расположились остальные.

Пока они с Харпер шли по пляжу с охапками кокосов, Куинн дважды оглянулась. Но не увидела ничего и никого — одни джунгли, песок и палящее солнце.

Когда закончили с погребением, Даллас прошагал по песку к морю и медленно вошел в воду. Джинно сразу же принялся за работу, похвалил Куинн и Харпер, затем взял с собой Херма и отправился следить за костром.

Куинн смотрела на стоявшего в воде Далласа. Она знала его лучше, чем кто-либо, и понимала, что он пытается смыть с себя не только грязь. Чувства захлестнули ее, она собралась с духом, отвернулась, глянула в ту сторону, откуда они с Харпер только что пришли.

— Ну, типа, а теперь что? — спросила Харпер, бросая кокосы на землю.

Лежавший в паре футов от них Мердок, будто по команде, застонал.

— Не посидишь с ним немножко? — предложила Куинн.

Харпер поморщилась и, наклонившись ближе, сказала тихо:

— Да знаешь, мне от его глаз прямо страшно, и все такое.

— Джон? — спросила Куинн. — Ты не спишь?

Мердок повернул голову на звук ее голоса, глаза у него были закрыты и залеплены запекшейся кровью. Она все время промакивала и промывала их, как могла. Но порезы были слишком глубокими, и ей не удавалось обработать раны, как хотелось бы. Кроме страшных болей, которые, несомненно, мучили Мердока, главным врагом была инфекция. Куинн понимала, что без антибиотиков и бинтов или марли, даже если она будет тщательно ухаживать за капитаном, он наверняка все равно заразится. Поэтому крайне важно обеспечить ему покой и хотя бы отчасти предотвратить обезвоживание.

— Куинн? — позвал он.

— Да, — ответила она. — Я здесь. Ты сможешь идти?

— Думаю, смогу, да.

Куинн повернулась к Харпер.

— Помоги ему встать и проводи до деревьев — там есть хоть какая-то тень и укрытие. Нельзя оставлять его здесь, на солнцепеке.

— Я? — беззвучно произнесла Харпер. — А ты не проводишь?

— Харпер сейчас поможет тебе, Джон, — сказала Куинн. — Отведет тебя в тень, ладно?

— Да, хорошо... очень хорошо.

Харпер уперла руки в бока и склонила набок голову, что, как полагала Куинн, означало раздражение.

— Чика, ты серьезно?

— Да, — ровным голосом ответила Куинн, — я серьезно.

И, не говоря ни слова, удалилась. Она больше ни секунды не могла терпеть эту пустышку и боялась, что если не уйдет, то скажет ей об этом в лицо. Ссоры никому не нужны, поэтому Куинн пыталась использовать знания, полученные во время работы в неотложке, когда ей часто приходилось не только заботиться о потерпевших, но и разряжать обстановку и до, и во время, и даже после ухода за ними.

Куинн глубоко вздохнула и пошла по пляжу, пытаясь освежить голову. Ноги по-прежнему передвигались будто ватные и чуть дрожали из-за трехдневного бездействия на плоту, но постепенно восстанавливались. В животе урчало от голода, и снова накатила почти непреходящая жажда, которая мучила вот уже несколько дней.

Все это до сих пор казалось сном. Страшным, и тем не менее сном. Такого с нормальными людьми не случается. И все же они здесь.

Чем больше она думала об этом, тем больше понимала жесткость Джино, его расчетливое отношение ко всему. Он прав. Если они не примут кое-какие меры, им не выжить.

Она оглянулась и увидела, как Харпер крутит вокруг пальца прядь волос и смотрит на солнце. Шевелит губами, будто разговаривает с Мердоком.

Перед глазами у Куинн мелькнуло лицо Натали, и она беззвучно заплакала, бредя у самой кромки воды. «Возьми себя в руки,— услышала она у себя в голове голос Натали.— Ты должна быть сильной».

Куинн вытерла глаза, и вдруг увидела ее.

На мокром песке у самой воды валялась кроссовка, которую Куинн сразу узнала. На секунду замерла,

уоставившись на кроссовку и пытаюсь убедить себя в ее реальности. Оглянулась на джунгли и поняла, что стоит почти там же, где почувствовала на себе чей-то взгляд. Она подошла к кроссовке. Та лежала на боку, но носком указывала в сторону джунглей, будто спала с ноги владельца, едва он выбрался на пляж и дальше пошел уже без нее. «Если б это случилось прошлой ночью, — подумала Куинн, — то человек, потерявший кроссовку, не смог бы найти ее в такой непроглядной тьме». Она присела и подняла кроссовку.

Куинн словно током ударило. Андре.

Это была кроссовка Андре.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Даллас терпеть не мог океан. За эти последние несколько дней он научился презирать его. Это было уже не прекрасное и величественное творение, вызывающее восхищение и трепет, а бессердечное чудовище, в нем полно хищников и опасностей, они существуют лишь затем, чтобы уничтожить его, Далласа, и тех, кого он любит. Если бы это зависело от него — несмотря на то, что он рос заядлым пловцом, любителем пляжного отдыха и большую часть жизни провел в месте, откуда до побережья Атлантического океана можно было дойти пешком, — он больше никогда не посмотрел бы на океан. Но сейчас, когда у него на коже вместе с грязью и песком остались пот и даже запах Натали, у него не было

другого выбора, кроме как предаться воле волн и позволить им смыть с него все это. Джино, очевидно, не чувствовал необходимости тоже вымыться, а вместо этого вернулся к своим обязанностям, Даллас же продолжил заходить в воду, пока та не поднялась ему по грудь. Несмотря на сильное течение и слабость в ногах, ему удавалось не упасть. Через несколько мгновений он откинулся назад так, чтобы тело частично оставалось на плаву, но пальцы ног продолжали ощущать дно. Когда затылком коснулся воды, он подставил лицо под смертоносное солнце и закрыл глаза, позволив волнам медленно раскачивать его взад-вперед. Он пытался вытеснить из головы образы мертвого, обмякшего тела Натали и сосредоточиться на боли в груди. При глубоких вдохах она все еще немного болела, но Даллас был почти уверен, что скоро все пройдет. Он не мог знать точно, болит ли у него из-за внутренних повреждений, или это лишь еще один признак стресса и усталости. В любом случае он не собирался никому говорить про боли, даже Куинн. Здесь нет места для слабости. Даллас теперь понимал это даже слишком хорошо. Джино не обманывает. Даллас знал его с колледжа, достаточно долго, чтобы уяснить: Джино намерен выжить в этом суровом испытании любыми средствами, несмотря ни на что.

Это было мучительно ясно, и, хотя Даллас делал вид, что обеспокоен методами друга и подвергал их сомнению в надежде, что во всем этом безумии тот перестраховывается, в душе он соглашался с ним. Они с Куинн выберутся с этого острова во что бы

то ни стало. Вернутся домой или погибнут в борьбе за жизнь. В любом случае, как бы Далласу по совети ни хотелось осудить Джино, он знал, что, если понадобится, в итоге поступит точно так же. Но сможет ли он быть таким же жестоким, как Джино? Если окажется загнанным в угол, сможет ли он вырваться, овладеет ли им такое страстное желание выжить, что ему не будет дела, кто или что в результате пострадает? Теперь стоит вопрос жизни и смерти, и больше ничего. Может, так было всегда. Андре пропал, наверняка погиб. Пора смириться с этим, отнестись к этому не как к предположению, а как к суровому факту. То же и с несчастной Натали, чье обнаженное безжизненное тело они скатили в наскоро вырытую могилу. Натали выглядела так, будто спит и в любой момент готова открыть глаза, встать и заявить, что все это было лишь заранее заготовленным, дурацким розыгрышем. Даллас крепко зажмурился, но картины у него в голове отказывались уходить. Натали мертва, и ничто уже не вернет ее. Милая, удивительная, совершенно безобидная девушка, она ушла одной из первых, как и Андре, который, если не считать Джино, был самым сильным и крепким из них всех. О чем это говорит? О том, что ставки сделаны и пока нет нужды поступать жестоко, но если придется, он будет готов на что угодно, лишь бы они с Куинн выжили.

Из путаницы мыслей и страхов его вывел голос Куинн. Даллас мигом крепко встал на ноги, с волос капала вода, он тотчас обернулся на голос жены и заскользил глазами по берегу. Куинн звала всех к

себе, и, еще не успев разглядеть ее сквозь слепившие лучи солнца, Даллас заспешил к берегу.

Когда он выбрался из воды, Джино уже бежал к Куинн, а Херм и Харпер шли следом, но несколько не торопились.

Даллас тоже бросился бегом изо всех сил, хотя ноги еще не совсем были готовы к рывку. Прихрамывая и даже близко не набрав своей обычной скорости, он бежал навстречу Куинн. Теперь она тоже увидела его и замахала рукой, Джино уже стоял рядом с Куинн.

За несколько футов до них Даллас заметил, что Куинн что-то держит в руках.

— Это кроссовка Андре, — сказал первым Джино.

Задыхаясь, Даллас протер глаза и всмотрелся.

— Ага, — сказал он. — Так и есть. Где ты нашла ее?

— Вон там. — Куинн указала на место, где впервые увидела кроссовку. — Там валялась.

Подошли Херм и Харпер.

— Что это значит? — спросила Харпер.

— Спорю, что ты так часто спрашиваешь, верно? — сказал Херм.

Харпер склонила голову набок.

— А?

— Не обязательно должно что-то значить, — сказал Джино.

Он прищурился, глянул на океан, затем снова на джунгли.

— Кроссовка могла просто спастись с него в бурнах, и ее выбросило прибоем, а тело осталось за рифом.

— Но если б его тело находилось по эту сторону от рифа,— сказала Куинн,— его бы уже вынесло на берег.

— Да, это так.

— Может, он все еще жив? — с надеждой в голосе произнес Даллас.

— Если прошлой ночью он выбрался на берег и потерял здесь кроссовку,— сказал Джино,— то мог уйти в джунгли, а мы его в такой тьме и не заметили.

— А не логичнее ли предположить, что он нас все равно бы уже увидел? — спросил Херм.

— Если ранен, то нет,— сказала Куинн.— Может, упал в чащобе, в паре футов от пляжа, а мы так и не узнаем, что он там.

Все бросились к джунглям.

Обошли оба ряда пальм, остановились и стали высматривать, как лучше пробраться сквозь заросли. Пройти было можно, но местами лес становился таким густым, что они почти ничего не видели. Неизвестно, что ждет их там в джунглях.

Куинн хотела рассказать о странном ощущении, которое у нее возникло незадолго до этого, но передумала. Ощущение, такое сильное в тот момент, прошло и больше не возникало.

— Всем держаться вместе,— сказал Джино, с трудом шагнув в заросли,— и идите за мной. Гуськом, смотрите под ноги и будьте осторожны.

Из-за густого полога листвы сразу же сделалось темно. Лучи солнца наискось прорезали полумрак перед ними. Жара не спадала. Невидимые существа ползали, скользили и издавали странные звуки,

напоминая Джино и остальным, что они здесь — непрошенные гости, чужаки в чуждом мире. Куинн неохотно надела сандалии Натали, хоть и маловаты, но в сандалиях все лучше, чем босиком. Особенно когда пошли не по песку, в чем быстро убедился Даллас, он один шагал без обуви. Он шел последним и каждые несколько секунд оглядывался, пытаясь запомнить дорогу и быть уверенным, что отыщет ее, когда они будут возвращаться. Как бы далеко они ни заходили, джунгли повсюду выглядели одинаково, поэтому если не присматриваться, то потерять дорогу и заблудиться было очень легко.

Вскоре, ступая по неровному и обманчивому дерну, Даллас начал отставать, каждый шаг давался все больнее. Надо что-нибудь придумать, сделать какую-нибудь обмотку или вроде того, иначе скоро исцарапаешь, изрежешь все ноги и не только захромаешь, но и подхватишь заражение.

— Сбавьте темп, ребята,— сказал Даллас. Он весь уже взмок от пота, в горле пересохло и страшно хотелось пить.

Куинн и Херм остановились подождать, но Джино и Харпер шли дальше, продираясь сквозь подлесок.

— Я босиком,— сказал Даллас.— Мне не поспеть за вами.

— Кстати, а мы еще далеко думаем идти? — спросил Херм.

— Может, вернешься на пляж и подождешь? — предложила Куинн.

— Андре все равно нигде не видно,— сказал Херм, согласно кивнув.— И, может, я не специалист

по выживанию, как Джино, но знаю, что чем больше мы тужимся в такую жару, тем больше захотим пить. У меня нет ни малейшего желания участвовать в этом совершенно гиблом деле искать Андре, его, может, и нет здесь вовсе. Кроссовку могло просто выбросить волной. Это не значит, что сам он выбрался на берег, и нет никаких доказательств, что он ушел в джунгли.

— Вы, ребята, возвращайтесь,— сказала Куинн,— а я пойду с Джино и Харпер. Посмотрим, может, найдем что-нибудь.

Не успел Даллас ответить, как из джунглей, откуда-то спереди, раздался вопль. Закричали так громко и страшно, что несколько птиц, которых они до этого даже не заметили, испуганно вспорхнули с веток.

Куинн ринулась в заросли. Херм с Далласом бросились за ней и выскочили на небольшую поляну. Харпер лежала на земле и безудержно рыдала, содрогаясь всем телом. Джино безучастно стоял рядом с ней и смотрел на толстую изогнутую ветку, она торчала горизонтально примерно в трех футах от земли из одного большого куста, что росли вокруг поляны.

— Боже правый,— ахнула Куинн.

Когда Даллас сообразил, что Джино смотрит не на ветку, а на землю под ней, он тоже увидел. Он понимал, что оно есть, что лежит вот тут перед ним, но это было просто непостижимо, разум отказывался признать и усвоить увиденное. Желудок свело. Возникло чувство, будто земля внезапно ушла из-под ног и он, Даллас, падает в темную бездну.

В тишине слышались рыдания Харпер.

— Какого *черта?* — выдохнул Херм, неуклюже заходил кругами, заламывая руки.— Какого черта?

Даллас ощутил, как у него пересохло в горле, и только тогда осознал, что стоит с открытым ртом и тарашится на крупный камень в паре футов перед собой, поперек которого валяется отрубленная человеческая рука.

Плечо, предплечье и кисть лежат в луже запекшейся крови среди ошметков хряща. Из плеча торчит кость, с которой свисают клочки мяса, засохшие и посеревшие от жары.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Даллас почувствовал, как Куинн вцепилась в него. Не для того, чтобы удержать его на ногах, как выяснилось, а чтобы самой не упасть. Дрожь всем телом, она прижалась к Далласу, и они ухватились друг за друга. В этот совершенно нереальный и ужасающий момент Харпер продолжала причитать, Херм расхаживал взад-вперед как зверь в клетке, а Джинно просто молча смотрел на кровавое месиво.

Наконец Харпер вскочила и, бормоча что-то нечленораздельное и размахивая руками как сумасшедшая, бросилась назад по тропе, которой они пришли.

Через секунду Херм ушел вслед за ней.

Даллас заставил себя глянуть через плечо жены и осмотреться.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

— Джино,— услышал он собственный голос. Сперва далекий и слабый, затем более настойчивый.— Черт возьми, Джино.

Тот обернулся.

Даллас никогда не видел его таким. Его высокомерие исчезло, разбилось вдребезги. Он пребывал в шоке, как и они.

— Какого черта... что... что это... что... что случилось?

— Я не...— Джино моргнул, покачал головой.— Я не знаю.

Внезапно Даллас поймал себя на том, что смотрит на безжизненную руку. На безымянном пальце он увидел кольцо — кольцо Андре.

— Господи, да это же точно его рука, проклятье.

Куинн отступила от Далласа, и он зажал себе ладонью рот, но слишком поздно. Даллас мигом отвернулся, согнулся вдвое, и его вырвало. Его буквально выворачивало наизнанку, но ничего, кроме желчи, выблевать он не мог, раз в желудке пусто.

Куинн положила руку мужу на спину, но не сводила глаз с Джино.

— Кто с ним такое сотворил? — спросила она.

— Я... я не знаю,— заикаясь ответил Джино.— Я... может, зверь какой... не знаю.

Куинн нехотя подошла к камню и осмотрела руку, кишевшую белесыми муравьями. Пересилив наворачнувшиеся слезы, Куинн вспомнила, чему ее учили в неотложке и, как могла, постаралась взять себя в руки. Она все еще никак не могла собраться с мыслями, не переставала трястись, но изо всех сил

пыталась успокоиться и понемногу, очень медленно, начала приходить в себя.

— Что это мог быть за хищник?

— Думаю, очень крупный.— Лицо у Джино блесло от пота.— Ума не приложу, как на таком маленьком острове, где и еды-то всего ничего, могут обитать особи такого размера, к тому же плотоядные. Представить этого не могу, это...

— Может, акула? Вдруг на Андре еще в море напала акула.

— Может быть, но, скорее всего, риф.

— Верно,— сказала Куинн.— Вполне возможно, что на него напала акула. Вцепилась зубами, отхватила почти всю руку. Либо руку ему отрезало о риф, и, когда Андре выбрался на берег, она у него едва держалась. Он не сориентировался, будучи в шоке, заблудился в темноте и убежал через пляж в джунгли. Доковылял досюда с почти оторванной рукой, и тут она отпала.

Джино кивнул.

— Да, это... это вполне может быть. Вероятно, так.

— А где, черт возьми...— Даллас вытер рот, но не успел договорить, как задохнулся в позывах рвоты еще пару раз.— А где, черт возьми, то, что от него осталось?

— Андре! — закричала Куинн, оглядывая заросли.— Андре!

— Перестань,— сказал Джино.— Куинн, *перестань*, просто... перестань. Что бы ни случилось, он потерял так много крови, что, даже если б ему

каким-то образом удалось остаться в сознании и продержаться на одном адреналине, у него все равно сильное помрачение и шок. Он мог уйти дальше в джунгли и рухнуть где-нибудь неподалеку, но при такой потере крови вряд ли еще жив.

Куинн знала, что Джино прав. Это подсказывали ей не только медицинские знания, но и здравый смысл. Она беспомощно устала на Джино.

— Да, ты... ты прав.

Джино провел руками себе по волосам, а потом обхватил голову, будто боялся, что иначе то, о чем он думает, может вырваться наружу.

— Мне хочется ошибиться,— пробормотал он.— На этот раз. Но все мы знаем, что я не ошибаюсь.

«Не отворачивайся,— сказала себе Куинн, вспоминая все, что знала, и собираясь с духом.— Успокойся, сосредоточься и прикинь». Она попыталась видеть лишь *предмет*, лежащий на камне, а не руку, которая когда-то была частью человека, и уж точно не того, которого она знала и любила.

— Осторожно,— предупредил Джино.— Если это те муравьи, о которых я думаю, ты не захочешь, чтобы они по тебе бегали.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Они кусаются?

— Думаю, это могут быть желтые сумасшедшие. Водятся на некоторых островах в южной части Тихого океана. Они не кусаются. Они распыляют кислоту.

— Понятно,— сказала она, вытирая пот со лба и тяжело вздыхая.

— Не трогай руку — и все.

Куинн не собиралась дотрагиваться до руки, но слова про муравьев сделали кошмар еще страшнее и невероятнее. Прикрыв нос от смрада, она наклонилась к руке, чтобы рассмотреть получше. Наверняка не скажешь, но, приглядевшись, Куинн решила, что, несмотря на жуткий вид и скопление муравьев, рука вроде бы искалечена не так уж сильно, как следовало ожидать, когда откусывает или отрывает хищник.

— Трудно сказать,— произнесла Куинн,— но она относительно целая. Будто *отрезана*.

— Могло так отрезать об риф? — спросил Даллас.

— Не знаю. Но на укус не похоже.

— Господи,— вздохнув, произнес Даллас.— Говоришь, что кто-то ее отрубил?

— Нет, конечно, я...

— И что теперь?

Куинн отошла и оглядела заросли, будто искала ответ.

— Не знаю. Я не коронер. Просто говорю, что это не похоже ни на один укус, который я видела. Может, и на рифе оторвало. Может быть.

— По-моему, могло оторвать, если он налетел на риф и зацепился за него рукой. Но, опять же, прямо так ровно и отрезало?

— Или дело не в рифе... давай, Дэл... предложи свою версию.

Джино наконец опустил руки, но все еще не знал, что с ними делать.

— Ладно, давайте проясним вот что. Вероятность того, что на этом острове есть кто-то, кроме нас, практически нулевая.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

— Почему? — спросил Даллас.— Если мы здесь, то почему бы кому-то еще здесь не быть?

— Потому что мы в жопе мира.

— Придумай что-нибудь получше.

— Шанс очутиться здесь — один к миллиону, а шанс, что здесь есть кто-то еще, и того меньше. Нет никаких аборигенов, что жили бы так далеко, на таком маленьком бесполезном клочке земли, которого даже нет на карте.

— А ты откуда знаешь?

— Здравый смысл подсказывает. Слышал о таком?

— Даллас, родной,— сказала Куинн,— я не говорю, что руку отрубили. Я говорю, что очень на то похоже. Может, на рифе оторвало, это гораздо вероятнее...

— Тогда где тело? — спросил Даллас.— Надо найти тело.

Джино указал на кровь на листьях и на земле и на широкие кровавые разводы около камня.

— Надо искать.

Куинн кивнула и обхватила себя руками.

— Далеко он уйти не мог.

— Но мы не уверены, что с ним случилось,— сказал Даллас.

— Да риф, наверное,— отозвалась Куинн.— Откуда здесь кому-то быть? Джино прав, вероятность оказаться здесь ничтожно мала. Вполне возможно, что только мы сюда и попали. А если нет, то, похоже, здесь никого не было очень-очень давно.

Даллас на мгновение задумался, пытаясь унять бурю в голове. Куинн, вероятно, права, но в глубине души он отказывался верить.

— Я не знаю.

Внезапно Джино будто пришел в себя, вновь обрел силы, словно какое-то просветление в последний момент не дало ему сорваться.

— Не знаю точно, есть ли кто еще на острове,— произнес он окрепшим, спокойным и сдержанным голосом.— Может, есть, а может, нет. По всей вероятности, это почти невозможно. В таком случае ему всего лишь оторвало руку на рифе, и, когда он выбрался на берег, рука отпала, как и сказала Куинн. Или так, или руку ему отрубили, а значит, мы здесь не одни. Если не оторвало и не отрубили, то остаемся только мы.

— Чушь,— сказала Куинн.— Никто из нас его не трогал.

— И я о том же,— сказал он.— Единственный, на кого бы я подумал, так это Херм.

— *Херм?* — Даллас рассмеялся, но не от веселья, а из-за паники и неверия.— Ты спятил? Будто он вообще способен такое сотворить, да еще с Андре.

— Я не про то.

— Да и зачем Херму убивать Андре? Он не смог бы.

— Мы все смогли бы. К тому же у нас огромный стресс, у нас туго с водой и пищей, а это может изменить человека...

— По мне, не важно, как сильно ему хочется пить. Он учитель истории, а не Джейсон Вурхиз.

— Прошлой ночью, прежде, чем мы снова собрались вместе, прошло какое-то время. Черт, почти что угодно могло случиться. Может, они поругались, повздорили, я...

— Брось, Джино,— сказала Куинн,— не время в адвоката дьявола играть.

— Я считаю, что Андре *каким-то образом* потерял руку, а вариантов, как это случилось, не так уж много. Мы пока не можем знать точно, но если вы хотите выбрать один и не принимать во внимание другие, то давайте остановимся на рифе, он самый вероятный. Надо идти дальше, черт подери, сосредоточиться на поисках Андре.

— Да,— сказал Даллас.— Ладно.

Джино, казалось, немного расслабился, затем глянул на Куинн.

Она медленно кивнула.

Даллас положил руку Джино на плечо. Оно было твердым как гранит. Он знал, что если Джино высвободит чувства — позволит себе ощутить не только гнев,— то сможет лучше понять, что произошло. Но он не высвободит, поскольку это может сделать его уязвимым и, по его мнению, слабаком. Такой человек, как Джино, не может быть уязвимым или слабым. Он знает лишь один способ — силу, и не важно, прав он или нет. Даллас всегда знал, как достучаться до Джино, но это был не совсем надежный вариант, и он мог лишь надеяться, что обычный подход сработает.

— Ты нам нужен. Понимаю, что ситуация хреновая, мы все напуганы и растеряны, верно? Я тоже не вижу здесь никакого смысла. Извини, я... я ничего не понимаю. Знаю, ты любил Андре. Мы все любили его. Но нам надо держаться вместе, друг. Если ты слетишь с катушек, нам кранты. Понимаешь?

— Послушай его,— сказала Куинн.— Нам не справиться без тебя.

Джино какое-то время стоял уткнувшись в землю, потом закрыл глаза, его мускулистая грудь вздымалась и опускалась. Он открыл глаза и ободряюще кивнул Далласу и Куинн.

— Возвращайтесь в лагерь,— сказал он.— Смотрите, чтобы костер не погас, берегите воду и все остальное, что у нас есть. Попробуйте расколоть еще несколько кокосов, но не слишком много. От них слабит. Дизентерия — последнее, что нам надо.

— А ты?

— Я поищу Андре.

— Но не один же,— сказал Даллас.

— Ты же босиком,— напомнил Джино.— Тебе не пройти по лесу, все ноги себе издерешь. Ни себе, ни нам не нужен будешь. Возвращайся в лагерь, помоги там. Я справлюсь.

— С Джино пойду я,— сказала Куинн.

— Не заходите слишком далеко,— предупредил Даллас.— И возвращайтесь до темноты. Не хочу идти искать вас.

— Займись лагерем, как я сказал,— с каменным выражением на лице произнес Джино.— А я найду тело.

— А с этим что...— Даллас, не глядя, указал на отрубленную руку.— Оставим здесь?

— Другого выхода пока нет,— тихо сказала Куинн.

— Нам надо найти тело,— произнес Джино.— Возвращайся в лагерь и присмотри за остальными.

Даллас и Куинн тревожно переглянулись и наскоро поцеловались. Не говоря больше ни слова, Куинн и Джино пошли дальше. Они исчезли в кустах, а Даллас остался стоять на поляне один.

Бредя как в тумане, растерянный, разбитый физически и душевно, Даллас вышел из леса и пошел по песку, мимо россыпи гнилых кокосов. Меньше чем в миле от прибоя, по ту сторону кораллового рифа, протянувшегося почти по всей длине острова, в открытом море вздымались волны. Они бились о риф и взлетали в воздух облаками брызг. По-прежнему яркое солнце на голубом, безоблачном и бескрайнем небе медленно спускалось к горизонту, словно равнодушное божество.

Даллас возвращался в лагерь, а джунгли безмолвно наблюдали за ним, как затаившийся хищник.

Как то, что пряталось в чаще.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они шли по кровавому следу.

Пятна крови виднелись на земле, на листьях во круг, и футов через пятьдесят они наткнулись на вторую кроссовку Андре. Та тоже была выпачкана в крови, и прикасаться к ней Куинн хотелось меньше всего. Но когда Джино сказал, что у Далласа теперь будут обе кроссовки, она схватила ее, не обращая внимания на липкий от крови верх и промокшие шнурки.

В прошлом Куинн успела насмотреться на кровь, но так и не смогла к ней привыкнуть. Проглотив

подступившую к горлу желчь, она прижала кроссовку к груди. С каждым новым пятном крови, которое попадалось им, Куинн пыталась вытеснить из головы образ Андре — вот он заблудился, истекает кровью, бредет сквозь заросли,— поскольку понимала, что пятна в конечном счете приведут к давно бездыханному телу. Не будет никаких чудес и даже прощаний. Они шли не спасать человека, а искали труп.

Джино остановился, присел и внимательно посмотрел на темно-красное пятно около толстого ствола. Не вставая, огляделся вокруг.

— Это все равно что идти по следу какого-нибудь раненого животного,— сухо произнес он.— Тело уже близко.

— Мы уже далековато зашли.

— Не беспокойся. Я знаю, что делаю. Мы не заблудились.

Куинн кивнула, но, несмотря на опыт и уверенность Джино, она никогда еще не чувствовала себя такой незащищенной. В плотном лабиринте из стволов, других растений, ярких красочных цветов, гигантских паутин, таких больших и сплетенных так сложно, что казались ненастоящими, в ароматной, хотя и давящей жаре, они с Джино будто находились на другой планете. Все здесь казалось каким-то странным. Деревья и прочие растения Куинн видела всю жизнь, но не встречала ничего подобного. Даже цветы были огромными, причудливыми, неестественно яркими, будто родились из снов ребенка. То, что раньше она назвала бы экзотикой, теперь по ощущениям напоминало Страну

Чудес. «Зазеркалье», — подумала Куинн. И тут же почувствовала себя более чем когда-либо далекой от действительности, от дома и от всего, что она знала. Почему бы вместо океана не быть бескрайнему космосу? Почему бы вместо опасного земного рая не быть некоему чуждому миру? Это казалось таким же всамделишным, как и остальное на этом острове, где имело значение все и ничто одновременно, где жизнь и смерть сблизилась настолько, что их едва можно было различить.

— Ерунда какая-то, — произнес Джино, качая головой.

Он поднял руку, подавая Куинн знак стоять. Сам прошел немного дальше, не отрывая взгляд от земли. Когда он вернулся, все еще разглядывая дерн, выглядел еще более озадаченным. — Это просто не...

— Что такое?

— Я шел по пятнам крови, раз в такой траве разглядеть следы очень сложно, земля здесь тверже, чем на пляже, — объяснил он. — Но, если знаешь, что искать, можно увидеть, что тут примято чем-то очень тяжелым.

Куинн обхватила себя руками.

— Ну и что ты заметил?

— Он упал, — сказал Джино, указывая на землю. — Видишь вмятину? Вот эти две вмятины — это от коленей. Он упал на колени, а затем на живот. Вот здесь. Видишь?

— Думаю, да.

Она представила, как Андре лежит здесь. Он в отчаянии, он умирает в темноте, в полном

одиночестве, спрашивает себя, где друзья и почему никто не пришел ему на помощь. Или Андре решил, что выжил он один? О чем он думал в последние минуты перед смертью?

— Вмятины от коленей глубокие — это значит, что упал он с большой силой, — сказал Джино. — Гораздо сильнее, чем если бы он просто опустился на колени. Он не рухнул бы так сильно сам по себе. В любом случае, из положения стоя никто так не падает. Это значит, что в момент падения его что-то здорово придавило.

— Упал на бегу?

— Да, он определенно шел вперед, причем быстро.

— Даже не верится, что с отрубленной рукой он вообще зашел так далеко, не потеряв сознания и не умер от потери крови. Хотя, думаю, у него мог повыситься адреналин, Андре заблудился, испугался, в шоке. Он побежал и...

— Но потом упал на колени и на живот. До этого момента то, что я вижу, имеет смысл. — Джино встал, наклонился и, не поднимая глаз от земли, пошел вверх по небольшому склону.

Взойдя на склон, он выпрямился и упер руки в бока.

— Но...

— Что? — Куинн вскарабкалась вслед за ним.

— Впереди крови гораздо больше. Скорее всего, там он умер. Но тела нет, а значит, он каким-то образом встал и пошел дальше, но дальше ничего нет. Дальше-то крови не видно. След обрывается здесь.

— Быть не может, с такой раной. Даже если бы он встал и пошел дальше, должна тянуться кровь и по ней мы дошли бы до тела. Должна быть кровь.

— Я знаю. Но хочу сказать, что он умер здесь, вон там, где большое пятно, где он упал на живот. Из того, что я вижу, тело должно лежать там. Но тела там нет. Будто он добрался до туда, а потом просто... исчез.

— Исчез?

— И странно не только это. Так не должно быть. След должен выглядеть иначе.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь, вмятина на земле примерно такой же длины и ширины, как и в самом начале? — Джино указал на широкую полосу из грязи, песка, крови и примятых листьев, тянущуюся перед ними. — Она идет по склону вверх и заканчивается вон в том месте. Этот след оставило тело Андре. Не колени и не ступни, а именно тело. Эту вмятину оставило тело, оно лежало ничком и истекало кровью.

Куинн посмотрела назад, откуда они пришли.

— Значит, он упал там на колени, затем на живот и приполз сюда? Это ты хочешь сказать?

— Это самое логичное объяснение, — произнес Джино. — Проблема в том, что след говорит не об этом. Он выглядит иначе. Не так, как должен выглядеть.

— Ну и как тогда он выглядит?

— Он слишком плавный и равномерный. И кровь тоже, видишь, как она размазана сплошной полосой по всему отрезку? Если бы Андре полз сам, так не

получилось бы. Пятна и брызги крови, да и сам след, должны быть более прерывистыми и неравномерными. Как когда ползет тяжелораненое животное.

— Понятно,— сказала Куинн, вертя головой.— Значит...

— Значит, раз его тело должно лежать здесь, но его здесь нет, похоже, что... — Джино нахмурился и провел грязной рукой по лицу и успевшей отрасти щетине.— Имею в виду, что если бы я шел по следу какого-нибудь раненого животного, то могу поклясться, что это выглядит, как...

— Как что? Да скажи же, ради бога.

Темными зрачками Джино вперился ей в глаза.

— Это выглядит, будто его тащили.

* * *

Приближался вечер. Небо менялось, медленно оранжеевало, будто над океаном разгорался пожар. Ветерок тоже изменился, стал прохладнее, он раскачивал пальмы и шелестел листвой на опушке джунглей. Херм и Даллас подбрасывали прутья в костер, который постепенно разгорался все сильнее. Они думали разжечь большой и жаркий кострище, но веток для большого костра пока не насобирали. Они надеялись, что хвороста хватит до самого утра, но истощение взяло верх. Недостаток воды и пищи еще можно было перетерпеть, но они устали духовно и физически и не смогли натаскать из леса больше хвороста, чем уже принесли, поскольку для этого требовалась подзарядка.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

76

Во временном лагере Мердок не терял сознания уже дольше, чем раньше. Харпер сидела в паре футов от капитана, на большой выброшенной на берег коряге. Она плакала, неохотно жуя ломтик кокоса, который Даллас сумел расколоть после того, как полчаса бил по нему острым камнем. Потом они с Хермом съели еще один кокос, выпили из него молоко и покормили Мердока, когда тот пришел в сознание и смог жевать сам. Остальные кокосы приберегли для Куинн и Джино.

С тех пор как вернулись в лагерь, Харпер, Даллас и Херм почти не разговаривали. Они сосредоточенно делали, что было сказано, в страхе размышляя о жуткой находке. Даллас то и дело выжидающе поглядывал на джунгли, в надежде, что Куинн и Джино вот-вот благополучно вернуться. Попив самую малость и пожевав кокосов, он рассматривал себе руки, все в маленьких порезах и царапинах. Заостренными камнями кокосы колются легче, но по израненным рукам видно, как тяжело работать камнями. Даллас вздохнул и поднялся на ноги, он прошел к воде и ненадолго опустил в нее руки, смыл кровь в набегавших и отбегавших волнах.

— Думаешь, найдут его?

Даллас мигом обернулся.

— Извини,— сказал Херм, подойдя незаметно,— не хотел тебя пугать.

Даллас кивнул, но промолчал. Ему теперь совсем не хотелось разговаривать.

— Ну, так как?

— Что?

— Думаешь, его найдут?

— Не знаю, Херм.

— Только между нами,— сказал он и тоже присел.— Странно это все.

Кровь с рук уже смылась, но Даллас все подставлял их нежному приборю.

— Если Андре напоролся на риф,— продолжил Херм,— и ему аж оторвало руку, если она и впрямь отпала, когда Андре зашел в джунгли, тогда где кровь?

— Ты о чем? Там все было залито кровью.

— В джунглях, да, но на песке ее не было. Подумай-ка. Если рука у Андре едва держалась, когда он добрался до берега, значит, кровь из него так и хлестала. Даже если следы крови возле берега ночью смыло водой, через пляж к джунглям должен был вести кровавый след. Даже сильный дождь не смыл бы его полностью. Но на песке нет крови. Кровь была лишь там, где мы нашли руку.

До сего момента Даллас слушал лишь вполуха. Но от выкладки Херма его будто по щеке хлестанули, и он поймал себя на мысли, как сам до этого не додумался. В джунглях он засомневался, но это же было так очевидно.

— Да, ты... ты это точно подметил.

— Знаю.— Херм рассеянно засунул палец под парик и почесал голову.— А это говорит о том, что Андре не обрывал руку об риф. Ее отхватили там, где мы нашли,— в джунглях.

Даллас настолько вымотался, что не мог мыслить ясно, и, что хуже, уже начинал к этому привыкать.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

— Резонно. Даже очевидно, по-моему, но...

— Да, после всех передрыг и в таком положении никто из нас не может похвастаться ясностью рассудка.

Даллас заставил себя сосредоточиться и хоть как-то упорядочить мысли.

— Тогда что с ним случилось?

— В том-то и дело, верно?

— Ты говорил об этом Харпер или Мердоку?

— Нет, не вижу особого смысла. Харпер уже дошла до ручки. Насколько я могу судить, она на грани нервного срыва. А Мердок пока еще плохо сообщает.

Даллас поднялся на ноги, протер глаза.

— С ума сойти.

— Мы на острове не одни, Дэл.

Даллас провел мокрыми руками по лицу — по шее и груди побежали капли воды. Недалеко от берега снова появились акулы — они приплывали каждый день, на рассвете и на закате.

— Да брось, мужик, мы...

— Тогда кто? Или что-то, или кто-то, но не этот клятый риф. Нам надо убираться отсюда, и...

— Да как уберемся? Улетим, что ли? Некуда плыть.

— А я говорю...

— Успокойся.

— Мы здесь не одни.

— Говори тише. К тому же ты не знаешь точно.

— Нет, знаю. И ты тоже. Поэтому и говорю. Я знаю тебя слишком давно, дружище.

— У меня нет ответов на все вопросы, но нам надо держаться вместе как можно крепче. Не спеши с выводами.

Херм поднялся, упер руки в бока и посмотрел на океан, встав, как он, наверное, думал, в геройскую позу. При всем желании казаться храбрым и невозмутимым, вид у него был глупый, как у неуверенного, невесть как оказавшегося здесь учителя средней школы, кем он, собственно, и был. Отношения у Далласа с Хермом всегда были непринужденными, в школе они коллеги, а после работы — просто друзья. И даже теперь, в этой чрезвычайной ситуации, Даллас не мог избавиться от того Херма, которого так хорошо знал. Вот он прогуливается по школьным коридорам и острит со школьниками. Этот бедолага делал вид, что ученики любят его, но на самом деле большинство потешалось над ним за спиной. Смеялись над его париком, глумились над его манерами и отвратительно передразнивали его.

— Извини,— тихо сказал Даллас.

— За что?

— Если бы я не пригласил тебя поехать с нами, ты бы...

— Не будь дураком. Я хотел поехать. Если честно, я был очень рад, что вы меня взяли. Я чувствовал себя немного неловко, раз один из всех явился без пары, но мне пора бы уже привыкнуть, верно?

— Мы выберемся отсюда. Выберемся так или иначе.

— Устал я страшно,— сказал Херм.

— Я тоже. Мы... мы все вымотаны.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

— Все тело болит, и в половине случаев я даже не могу связно мыслить.— Херм поправил сползшие на кончик носа очки и посмотрел на лагерь.— Я слишком стар для этого дерьма в духе «Острова Пиллигана»¹.

Он улыбнулся, но улыбка вышла натянутой, и лицо у него снова приняло серьезное выражение.

— Может, завтра мы сможем выложить на пляже из камней и кокосов большую надпись «СОС». В кино это срабатывает. И надо следить, чтобы костер не погас и горел ярко, особенно ночью. Надеюсь, кто-нибудь увидит его и вытащит нас отсюда.

Это представлялось таким же маловероятным, как и возможность улететь с острова на космическом корабле, но Даллас решил подыграть.

— Да, конечно.

— Кто-нибудь нас найдет, поверь,— настойчиво произнес Херм.— Недалеко должны проходить маршруты торговых судов или самолет пролетит.. что угодно... Дело в том, что в наше время...

— Не уверен, что это работает.

— Время покажет,— самодовольно ухмыльнулся Херм.

— Время — вещь странная,— сказал Даллас.— И очень ценная. Его всегда не хватает, понимаешь? Но даже если время — это все, что у нас есть, нам никогда его не хватит. Сейчас у нас только время и есть, и все равно оно — наш враг.

¹ Американский телесериал в жанре ситуационной комедии.

— Весь остров нам враг, если хочешь знать. Рай тоже мне, мать его за ногу.

— Чего, черт возьми, они так долго ходят? — Даллас снова обернулся на джунгли, в голове зароились жуткие видения. — Если скоро не вернуться, пойду за ними.

— Поостерегись Джино, дружище.

— Не начинай.

— Знаю, что вы с ним старые приятели, и ты считаешь его нашим спасителем и все такое, но поверь...

— Если бы не Джино, мы бы уже...

— Бла-бла-бла, спасибо, понял. Он здесь всемогущий бог. Рад за него. Можешь молиться на него, если хочешь, но я не буду.

— Если ты прав и в лесу и впрямь кто-то есть, Джино нужен нам еще больше.

— Я и не говорил, что он не нужен. — Херм неуклюже заковылял прочь, затем обернулся, будто забыл что-то. — Но поверь мне как другу, тебе лучше поостеречься его.

— Что ты имеешь в виду?

— Что мы здесь не дома, понял?

— Да ну?

— Правила меняются.

— Думаешь, не знаю?

— Если дать парню вроде Джино слишком много власти и позволить устанавливать правила, это чревато опасными последствиями. Он — большой страшный волк, вожак стаи... как я понимаю... а мы все слабаки, и...

— Я бы так не сказал.

— Разве? А вот я сказал бы именно так.— Херм заговорил тише, но смотрел так пристально, что слова не вызывали сомнений.— В каждой стае свои правила, и им подчиняются все, даже вожак. Знаешь, почему? Потому что каждый вожак, если его главенство никогда не ставится под сомнение и не оспаривается, может также легко погубить стаю, как и спасти.

— Мы не волчья стая.

— Ты уверен?

Даллас уставился на него.

— Чем дольше мы будем здесь торчать, Дэл, тем быстрее потеряем человеческий облик.

В любой другой ситуации Даллас ужаснулся бы, но сейчас он понимал, что Херм прав. Они уже теряют человеческий облик. Может, в поступках и в жестах этого не замечалось, но в душе они меняются, приспособливаются, ищут возможности выжить, а если надо, и получить превосходство, стать главным.

Едва Даллас начал терять надежду, как из джунглей неспешно вышли Куинн и Джино. Даллас смотрел на них, переводя взгляд с друга на жену. По Джино трудно было что-либо прочесть, но выражение лица Куинн было понятно: что-то случилось.

—Идут.— сказал Даллас, указывая на них.

Херм обернулся, устало моргая из-за поцарапанных, заляпанных грязью очков.

— Нашли что-нибудь? — спросил он, когда Джино и Куинн подошли ближе.

— Тела нигде нет,— сказал Джино Далласу, не глядя на Херма.— Оно будто... не знаю... будто испарилось. Может, утащили. Сложно сказать.

— Утащили? Кто?

— Не знаю.

— Что ж, я тут кое-что заметил, вы это, кажется, пропустили,— сказал Херм, выпрямляя спину и вставая в очередную из своих поз.

Джино наконец посмотрел на него.

— Да ну? И что же?

Херм заговорил про отсутствие крови на пляже, но Джино прервал его.

— Куинн только что это отметила, пока мы возвращались. Мы уже знаем.— Он похлопал Херма по спине, но в жесте не было ничего дружеского. Джино специально унизил его, и все это поняли.— За костром-то смотришь, шеф?

И тут в Херме что-то умерло. В голове у Далласа эхом отозвались его слова про утрату человеческого облика. Будто Джино пнул Херма или кое-что похуже — просто прогнал, будто тот и пинка недостоин. Глаза Херма заплыли гневом, обидой, может, чем-то еще, но он промолчал.

—Значит, у него в джунглях рука отпала? — спросил Даллас.

— Все указывает на это,— ответила Куинн.— Но мы все устали и...

— Значит, мы здесь не одни?

— Не знаю. Может быть, но...

— Но, может, и нет.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

84

— Вероятно, этому есть разумное объяснение,— сказала Куинн, но слова прозвучали так, будто она и сама не верила.— Надо найти тело.

Джино повернулся и указал на утесы.

— Завтра собираюсь подняться туда, взглянуть сверху и понять, что это за остров.

Куинн подошла к Далласу. Он обнял ее за плечи.

— А теперь что?

— А теперь постараемся максимально обезопасить лагерь и быть начеку. Спать, следить за костром и дежурить будем по очереди.

Херм побрел прочь. Шагал он и комично, и грустно.

— Идемте, скоро стемнеет,— сказал Джино.— Надо подготовиться.

Неумолимо надвигалась ночь.

И они могли лишь надеяться, что ночь придет одна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Темнота на острове не была похожа ни на что, с чем они сталкивались раньше. Даже Джино, в каких бы экзотических местах он ни бывал, не видел ничего подобного. Ночь была идеальной и чистой, освещаемой лишь сиянием звезд в небе.

Ощущение от острова тоже изменилось с наступлением темноты. Звуки становились громче и четче. Шум волн, накатывающих на берег, потрескивание костра, дуновение ветра, стук кокосов, падающих с деревьев, или шелест листвы в джунглях

словно напоминали о том, что это — чуждое место, в котором они — непрошеные гости. В какой-то момент их стали осаждать москиты и какие-то летающие жучки, и лишь дым от костра хоть как-то их отгонял.

Даллас и Куинн сидели у костра, прижавшись друг к другу. Они должны были спать, пока не наступит их черед дежурить. И Даллас был уверен, что пару раз отключался, но заснуть по-настоящему так и не смог. Хотя Куинн молчала, Даллас спал в ее объятиях уже много лет и мог сказать, когда сон у нее беспокойный или неглубокий. И он знал, что она испытывает то же, что и он. Несмотря на истощение, сон приходил к ним лишь ненадолго. Разум одолевали страх, беспокойство, гложущее чувство утраты и тоска по дому.

Джино сидел у костра, повернувшись лицом к джунглям. Каждые несколько минут он пересаживался, чтобы следить и за отрезком пляжа, протянувшимся у них за спиной. Хотя вряд ли он мог видеть далеко в такой кромешной тьме.

Херм и Мердок лежали неподалеку. Даллас не был уверен, спит ли Мердок, но Херм бодрствовал. Очки покоились у него на груди, глаза были широко открыты, отсутствующий взгляд устремлен в ночное небо.

А вот у Харпер со сном проблем не было, она крепко спала, свернувшись калачиком и тихо похрапывая.

Даллас закрыл глаза, обнял Куинн и постарался не думать о доме. Он не мог смириться с этим. После всего, через что они уже прошли, мысль о том, что они, возможно, никогда не покинут это место, никог-

да не доберутся до дома, не увидят родных и друзей и не заживут прежней жизнью, была невыносимой. Шанс — хоть и зыбкий, — что они вернуться, не давала Далласу совсем потерять рассудок и скатиться в пропасть безумия. Но в тишине и темноте, обнимая любимую женщину, Даллас не был уверен, есть ли у него еще надежда. Возможно, они уже мертвы и просто не знают об этом. Возможно, Дэвису, Андре и Натали повезло, раз им удалось избежать ужасов медленной смерти, вдали от дома. Возможно, для Далласа и остальных кошмар только начинался.

Когда дрёма в очередной раз одолела его, перед тем, как испуганно проснуться, он увидел сон. Или нечто подобное. Даллас знал наверняка, лишь что на какое-то время тело у него перестало болеть, голод и жажда больше не терзали, сознание прояснилось и вернулись силы. Он стал таким, как прежде, чувствовал себя безопасно и уютно.

Он больше не лежал на песке, а вместо этого сидел на задней веранде и смотрел на ночь и маленький, огороженный забором дворик. Куинн была в доме, он слышал сквозь сетчатую дверь, как она ходит по кухне.

А потом что-то в темном углу веранды привлекло его внимание.

Что-то, чего там быть не должно.

Что-то, не совсем похожее на... человека.

— Кто там? — спросил он.

И вдруг почувствовал, что падает, тут же проснулся и снова оказался на пляже. Голова Куинн покоилась у него на груди, а ее волосы щекотали ему лицо.

Херм перевернулся на спину, встал и поковылял прочь от лагеря, отряхивая на ходу рубашку от песка.

— Ты куда? — спросил Джино.

— У меня сейчас такая никотиновая ломка, что я готов отсосать у бомжа за сигарету. Так что я решил сходить до круглосуточной лавки и купить пачку курева. Кто-нибудь что-нибудь хочет?

— Я задал тебе вопрос.

Херм остановился, вздохнул и указал большим пальцем на океан.

— Мне нужно отлить. Ты не против?

— Не уходи слишком далеко.

— Есть, капитан.— Херм, паясничая, отдал ему честь и двинулся дальше.

— Идиот,— пробормотал Джино.

Даллас осторожно высвободился от объятий жены и сел. Куинн тоже проснулась, но осталась лежать свернувшись клубочком.

— Сменить тебя? — спросил Даллас Джино.— Мне все равно не спится.

— Я могу подежурить еще пару часов.

Куинн приподнялась на локтях и, вытянув шею, посмотрела на Мердока.

— Кто-нибудь его проверял?

— Все нормально,— тихо отозвался Мердок.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Куинн.

— Вкусный сочный стейк, слабо прожаренный, с пассированными грибами. Запеченный картофель со сметаной и луком. Лобстер в масле. И парочку бутылочек ледяного пива.

— Мне то же, что и ему,— сказал Даллас.

Вернувшись, Херм посмотрел на тихо похрапывающую неподалеку Харпер.

— Ну, разве не мило, а?

— Мы тут заказали жаркое из мяса и морепродуктов,— сказала ему Куинн,— не хочешь составить нам компанию?

— Забавно,— усмехнулся Херм.— Я как раз думал про «Собачий рай», закусочную у нас дома.

— Лучшие хот-доги в городе,— сказал Даллас.

— Я бы все отдал за большой сэндвич с горчицей, кетчупом и гарниром.

— Мне всегда нравились их хот-доги с чили.— Даллас закрыл глаза, представляя себе еду.— Знаешь, что еще там есть вкусного? Картошка фри со специями.

— Объедение! — добавила Куинн.— Если б мы сейчас там оказались, я заказала бы хот-дог с горчицей и большую порцию этой картошки.

Джино поднялся с корточек.

— А стейки и лобстеры куда делись?

— Я от них тоже не отказался бы,— сказал Херм.

— А ты в «Собачьем раю» что больше всего любишь, Джино? — спросила Куинн.

— Я не ем такое дерьмо,— усмехнулся тот.— Это ж отрава.

— Но вкусная отрава,— возразил Херм.— Черт, стейк тоже не самая здоровая в мире еда, но это же не мешает тебе есть его? К тому же если б ты попробовал в «Собачьем раю» луковые колечки в кляре, то...

Джино прервал его, подняв руку, и мгновенно обернулся на джунгли. Вглядываясь во тьму, он водил глазами по опушке туда и обратно.

— Что такое? — спросила Куинн и села.

Вместо ответа Джино шагнул к джунглям.

— Джино? — произнес Даллас.

— Все оставайтесь здесь.— Он повернулся и растворился в темноте.

Несколько секунд никто не шевелился, все молчали.

Наконец Мердок спросил:

— Что случилось?

— Все будет хорошо,— шепотом заверила его Куинн.— Нам нужно просто посидеть тихо минутку.

Внезапно остров погрузился в мертвую тишину. Даже ветер стих. Остались лишь потрескивающее пламя костра и неумолимая тьма за пределами отбрасываемого им света.

Вскоре из ближайшего участка джунглей появился Джино. К костру он вернулся целым и невредимым, хоть и явно озадаченным.

— Что случилось? — спросил Даллас.

— Не знаю,— нахмурившись, ответил Джино.— Ничего.

— Тогда в чем дело? — спросил Херм.

— Мне послышалось, что там кто-то шевелится, но, похоже, я ошибся.

— Где именно?

— В кустах.

— Так послышалось или нет?

Джино подступил к нему.

— Я только что сказал, что слышалось. Но, похоже, я ошибся.

— Ты? Ошибся? Брось, не может быть.

На Джино снизошло какое-то жуткое спокойствие. Было в этом что-то тревожное. Что-то хладнокровное и хищное, как у замирающей перед броском змеи.

— Мы все устали,— сказал Даллас.— Джино, почему бы тебе не попробовать отдохнуть, давай я недолго подежурю, а?

— Я и сам могу...

— Да, знаю, но все равно можно я посижу. Отдохни немного.

Казалось, он еще целую вечность буравил Херма взглядом, после чего ответил:

— Хорошо.

Затем, когда он лег рядом с Харпер, а Херм сел у костра, Куинн подползла к Мердоку успокоить, что все в порядке. Затем присоединилась к заступившему на дежурство Далласу.

— Иногда мне кажется, что он *хочет*, чтобы Джино надрал ему задницу,— прошептал ей Даллас.

— Однажды тебя не будет рядом, чтобы спасти его.

— В любом случае, я не уверен, что смогу спасти. Джино — это натуральная пороховая бочка.

— А Херм — спичка,— прошептала Куинн.

Примерно через час она уснула, положив голову мужу на колени. Даллас не спал, старательно наблюдая за джунглями и окружающей тьмой. В какой-то момент он оглянулся и увидел, что Джино и Харпер

приникли друг к другу. Насколько он мог судить, они оба спали. Даллас не привык видеть Джино столь уязвимым. И тут Далласу пришло в голову, что за все годы знакомства он еще никогда не видел Джино таким. Его напористость и бравада исчезли, и он стал похож на спящего ребенка, невинного и беззаботного.

Затем Даллас взглянул на Мердока. Из-за пораненных глаз сложно было понять, но, похоже, он тоже спал. Об этом говорила равномерно вздымающаяся и опускающаяся грудь.

Херм все еще сидел у костра напротив него и тарацился на пламя.

— Господи, мужик, а ты чего не спишь? — тихо спросил Даллас.

Тот поднял глаза и посмотрел на него сквозь пламя. Даллас никогда еще не видел у Херма такого взгляда. Было в нем что-то пугающее. Будто у него внутри поселилась ненависть, едва сдерживаемая ярость. Похоже, пороховой бочкой был не только Джино.

— Ты в порядке?

— А ты? — Херм снова перевел взгляд на огонь. — Разве кто-то из нас в порядке?

Даллас не ответил.

Ночь тоже молчала, храня свои секреты. А тьма продолжала наступать.

* * *

Когда солнце выглянуло из-за горизонта, жара сразу же начала усиливаться и вскоре стала невы-

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

носимой. Остров пробудился и тоже ожил. Но океан в то утро был на удивление спокойным. Обычно огромные, обрушивающиеся на риф волны сменились медленными и едва заметными.

По планам, сегодня Джино и Даллас собирались пересечь джунгли и подняться на вершину утеса, чтобы увидеть весь остров целиком. Куинн и Херм тем временем возьмут заостренные палки и постараются изловить пару рыбин. Или хотя бы прочешут камни у берега дальше по пляжу, в поисках крабов или других съедобных ракообразных. Несмотря на возражения и желание присоединиться к остальным, Харпер пришлось остаться в лагере, поддерживать огонь и присматривать за Мердоком.

Стоя в тени пальмы, Даллас привлек к себе жену.

— С тобой ничего не случится?

Куинн усмехнулась.

— Да ты что. Я в состоянии о себе позаботиться.

Ты же знаешь.

— Только будь осторожна. Видишь ли, на крутую стерву ты не тянешь.

— Постараюсь.— Куинн приподнялась на цыпочки и поцеловала его.— Я люблю тебя.

Даллас был уверен, что он никогда не любил Куинн больше, чем в тот момент.

— Я тоже тебя люблю. Скоро вернусь.

Джино же попрощался с Харпер, чмокнув ее в лоб и шлепнув по заднице. Потом жестом указал Далласу следовать за ним и первым зашагал к джунглям.

— Завязывайте, голубки.

— Мне пора,— сказал Даллас, стараясь улыбнуться как можно убедительнее.

— Береги там себя.

Даллас кивнул, затем повернулся и бросился догонять Джино. Они углубились в джунгли и стали пробиваться сквозь густые заросли, потом свернули в сторону утесов. Чем сильнее они углублялись, тем сложнее становилась местность. Без мачете или топора, чтобы прорубать заросли, идти было непросто. И когда примерно через полчаса они нашли подъем, ведущий к утесам, заросли стали почти непролазными. Джино и Даллас вымотались и истекали потом, поэтому ненадолго остановились передохнуть.

Джино стянул с себя майку, обвязал вокруг головы и приспустил сзади один край, прикрыв шею.

— Здесь никак не спрячешься от солнца,— сказал он.— И так до самых утесов, поэтому постарайся как можно лучше прикрыть голову.

Даллас устало кивнул, но у него не было сил снимать доставшуюся после смерти Натали футболку. Она была ему мала, промокла от пота и прилипла к телу, но хоть как-то уберегала от солнца.

Джино вытер лоб и, прищурившись, посмотрел сквозь переплетение лиан, деревьев и густого кустарника на возвышающиеся вдали утесы.

— Мы почти пришли,— сказал он.

— Но этот последний отрезок пути будет чертовски сложным.

— Склон хоть и крутой, но не вижу ничего страшного.

— По сравнению с чем?

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

94

— Поверь, я поднимался на склоны и похуже. Это ерунда, к счастью для нас.

— Я сейчас много чего чувствую, мужик. Но только не счастье.

— Ярдов через сорок джунгли закончатся и начнутся камни, корни и лианы. Просто, по возможности, держись рядом. Если что, не стесняйся, говори, понял? Не захочешь с такой высоты скатиться — всю кожу обдерешь о камни.

Даллас согнулся, упер руки в бока, стараясь отдышаться. Он был в более-менее хорошей форме, но уже не обладал выносливостью, которую всегда воспринимал как должное.

— Едва почую опасность, заверещу как малое дитя.

— Годится.— Джино слегка улыбнулся.

Они постояли молча еще несколько минут, Даллас подтянул кроссовки. В кроссовках все лучше, чем босиком, но эти были ему велики. И всякий раз, глядя на них или трогая их, он вспоминал, что носит обувь мертвого друга. На каждом шагу вспотевшие ноги скользили в них взад-вперед, поэтому Даллас уже заработал пару мозолей.

— Когда вернемся в лагерь, тебе нужно будет уплотнить их чем-нибудь,— сказал Джино.— Отрежешь пару лоскутков от одежды Нэт и засунешь внутрь, чтобы ноги не скользили. Иначе к концу дня сдерешь кожу до мяса.

— Хорошо.— Даллас попытался покрепче завязать шнурки. Отчасти это помогло.— Слушай, мужик, могу я спросить тебя кое о чем?

— Спрашивай что угодно, ты же знаешь.

— Строго между нами. Как по-твоему, что случилось с Андре?

— А по-твоему?

Даллас удивился, ненадолго задумался, потом ответил:

— Не думаю, что это как-то связано с акулой или рифом. Что бы ни случилось, это произошло в джунглях, где мы нашли его руку. Как оторвало, не знаю, но точно в джунглях. И, если я прав, мы на острове не одни.

— Проблема в том, что я не могу придумать логичного объяснения, и, пока мы не узнаем наверняка, это будет лишь еще одно высосанное из пальца предположение, и я не собираюсь ломать над ним голову.

— Безумие какое-то,— вздохнул Даллас.

Они снова замолчали.

— Ты боишься? — наконец спросил Джино.

— С тех пор как первый шторм смыл нас за борт.

А ты?

Джино медленно покачал головой:

— Если здесь что-то есть, это оно должно бояться меня.

Даллас поверил. Потому что в тот момент ему тоже стало страшно от взгляда темных глаз Джино. Как ни странно, это успокоило Далласа.

— Ну, пошли,— сказал Джино.— Если будем сидеть слишком долго, мы поджаримся на этом солнцепеке.

— Только после вас, шеф.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

